Цена номера 5 коп.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП(б)

СЕНТЯБРЬ 25 1932 г. ВОСКРЕСЕНЬЕ № 266 (5431).

„Горький—громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению".

Ленин.

ВЕЛИКОМУ ПРОЛЕТАРСКОМУ ПИСАТЕЛЮ МАКСИМУ ГОРЬКОМУ— БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ!

Сорок лет на службе пролетарской революции.

С упорной героической борьбой рабочего класса нашей страны за освобождение от ига царизма и капитализма, с укреплением пролетарской диктатуры на развалинах свергнутой власти капиталистов и помещиков, с победоносным строительством социализма на территории бывшей царской России, которая стала теперь территорией Союза социалистических советских республик, с борьбой рабочих и трудящихся всех стран против своих поработителей и угнетателей неразрывно связана сорокалетняя литературная и политическая работа Максима Горького.

Уже в его первых произведениях, написанных сорок лет назад, на заре революционного рабочего движения нашей страны, на заре большевизма,—живо встает картина нового капиталистического города, картина новой деревни, где среди остатков крепостничества растут капиталистические производственные отношения, зарождается пролетариат, складывается боевой союз рабочего класса и крестьянства против царизма.

Уже в этих произведениях ярко отражаются разложение и гибель крепостнического дворянства, банкротство старой и новой торговой и промышленной буржуазии, пытавшейся стать его наследником, банкротство народнической интеллигенции, желавшей найти опору для революционного развития страны в ее вековой экономической отсталости.

Уже в первых произведениях Горького отражаются первые шаги нового революционного класса-пролетариата, разбивающего цепи крепостнического и капиталистического рабства, берущего в свои руки судьбы великой страны, будущего победителя Октября.

То были тяжелые и темные годы, когда царизм беспощадно давил малейшие ростки революционного движения, когда миллионы трудящихся масс еще не поднимались на борьбу...

...не только как блестящий художник, но и как высоко талантливый политический публицист. Его художественное творчество неразрывно связано с политической борьбой в рядах рабочего класса.

И уже тогда, свыше тридцати лет назад, точь в точь как теперь белогвардейская эмиграция, буржуазная интеллигенция, надеявшаяся, что революция даст власть буржуазии, и в ужасе отступившая перед диктатурой пролетариата, злобно кричит о «конце Горького», который якобы перестал быть художником.

...

...туре Горький написал свое неумирающее произведение «Мать», в котором гениально изобразил подпольную работу большевиков накануне первой революции в Нижнем-Новгороде и Сормове, подняв на щит революционное подполье, вопреки всем его врагам, хулителям и ликвидаторам.

И тогда на Горького снова обрушилась...

...го,—праздник для всех трудящихся не только Советского союза, но и всего мира, праздник всех борцов против капитализма и империализма, всех поборников освобождения человечества от рабства и гнета.

Привет великому пролетарскому писателю на его славном революционном посту!

Приветствие ЦК ВКП(б) Максиму Горькому.

ЦК ВКП(б) горячо приветствует великого пролетарского писателя Максима Горького.

Своими выдающимися художественными произведениями, ставшими достоянием миллионных масс, Горький «крепко связал себя с рабочим движением России и всего мира» (Ленин).

Имя Максима Горького дорого и близко трудящимся Советской страны и далеко за ее пределами, как имя величайшего художника-революционера, борца против царизма, против капитализма, за международную пролетарскую революцию, за освобождение трудящихся всех стран от ига капитализма.

ЦК ВКП(б) выражает уверенность, что великий талант Горького и его революционная энергия будут еще долго служить делу рабочего класса.

ЦК ВКП(б).

Приветствие т. Сталина Максиму Горькому.

Дорогой Алексей Максимович!

От души приветствую Вас и крепко жму руку. Желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса.

И. СТАЛИН.

ГОРЯЧИЙ ДРУЖЕСКИЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ!

Дорогой Алексей Максимович!

В день юбилея твоей сорокалетней славной литературной и революционно-боевой деятельности шлем тебе горячий дружеский большевистский привет.

Желаем тебе и впредь долгие годы поднимать миллионные массы на борьбу за полное торжество коммунизма.

Калинин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев, Андреев, Рудзутак, Постышев, Микоян, Бубнов, Енукидзе, Пятаков, Яковлев, Любимов.

От президиума ЦКК ВКП(б).

Дорогой Алексей Максимович! Президиум Центральной контрольной комиссии ВКП(б) приветствует тебя в день сорокалетия твоей литературной деятельности как наиболее яркого представителя миллионов новых людей, подлинных творцов новой жизни на земле, разбуженных громами революции. Ты был ее буревестником, ты воспел смелых соколов революции, бичуя тех, кто не хотел подняться выше сегодняшнего дня, кто уживался с плесенью тесных ущелий, в которые втиснута была жизнь миллионных масс.

Ты показал борьбу нового человека, пролетария, в самой разнообразной обстановке. Твоя помощь нашей партии, когда она была в подполье, гонимой, связала тебя на всю жизнь с самым революционным отрядом рабочего класса, строящим впервые в истории человечества социалистическое общество.

Ведя вместе с миллионами передовых пролетариев мира борьбу за коммунизм, ты беспощаден к нашим классовым врагам, как беспощадна к ним наша партия. Ты вскрываешь ложь классового врага, разоблачая изо дня в день многоликого мещанина, который упорно цепляется за отжившие формы жизни прошлого. Талантливо показав вчерашний день нашей страны, ты всю силу своего гения направляешь на пропаганду сегодняшних наших достижений.

Посылая тебе наш горячий большевистский привет от имени Центральной контрольной комиссии ВКП(б), мы желаем тебе, дорогой Алексей Максимович, долго еще работать рука об руку со славной ленинской партией и дожить до дней торжества пролетарской революции во всем мире.

ПРЕЗИДИУМ ЦКК.

Приветствие СНК Союза ССР Максиму Горькому.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР ШЛЕТ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ СЛАВНОМУ ПРОЛЕТАРСКОМУ ПИСАТЕЛЮ МАКСИМУ ГОРЬКОМУ — ГОРДОСТИ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ.

СВЯЗАННЫЙ ТЫСЯЧАМИ НИТЕЙ С ТРУДЯЩИМИСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И С РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБОЙ РАБОЧЕГО КЛАССА ПРОТИВ ЦАРСКО-ПОМЕЩИЧЬЕЙ ВЛАСТИ И ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА, М. ГОРЬКИЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ СВОЕГО ВЕЛИКОГО ТАЛАНТА СЛУЖИЛ И СЛУЖИТ ДЕЛУ ПОБЕДЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ДЕЛУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР ТВЕРДО УВЕРЕН В ТОМ, ЧТО М. ГОРЬКИЙ ЕЩЕ ДОЛГИЕ ГОДЫ БУДЕТ СЛУЖИТЬ ДЕЛУ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН, ДЕЛУ СОЦИАЛИЗМА.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР.

ОТ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б)

МК и МГК ВКП(б) от имени большевиков, пролетариев и всех трудящихся столицы и области шлют горячий привет тебе — великому пролетарскому писателю.

Твои великие художественные произведения воспитывали поколения революционных борцов.

Твое имя как художника и борца служит сейчас боевым знаменем для широчайших масс трудящихся Советской страны и всего мира в их борьбе против буржуазии, против войны и против породившего ее капитализма, за победу рабочего класса во всем мире.

...

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ И ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТЫ ВКП(б).

ОТ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б).

...

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБКОМ И ГОРКОМ ВКП(б).

ОТ ЦК КП(б)У.

...

ЦК КП(б)У.

ХУДОЖНИКУ СЛОВА, НЕПРИМИРИМОМУ БОРЦУ, ПРОЛЕТАРСКОМУ ТРИБУНУ.

ДРУГУ КРАСНОЙ АРМИИ.

Дорогой Алексей Максимович!

В день сорокалетия вашей славной, боевой революционно - художественной деятельности Реввоенсовет СССР от имени Красной армии шлет вам, нашему любимому, великому пролетарскому писателю, горячий красноармейский привет.

Вы недавно, дорогой Алексей Максимович, писали: «В мире есть только одна армия, бойцы которой имеют право и обязаны рассуждать,—это Красная наша армия. Ее боец не говорит: «не могу знать», он имеет право и должен знать все или как можно больше».

Вся работа в нашей Красной армии направлена на то, чтобы ее бойцы как можно больше знали, чтобы всей системой воспитания, боевой и политической учебы выковать из них боеспособных, сознательных, политически и культурно грамотных, самоотверженных воинов пролетарской революции и строителей социализма.

В дни вашего юбилея нам особенно хочется отметить, что этой работе по воспитанию бойцов огромную, исключительную помощь Красной армии оказываете вы. На ваших произведениях учатся, воспитываются, культурно растут бойцы Красной армии. Самый любимый писатель Красной армии — А. М. Горький.

Армия ждет сейчас с нетерпением книг «Истории гражданской войны», к созданию которой приступлено по вашей инициативе и работе над которой вы уделяете так много внимания и сил.

Еще раз привет великому другу Красной армии и ее славному бойцу — Алексею Максимовичу Горькому.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ СССР.

ВЦСПС — МАКСИМУ ГОРЬКОМУ.

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов от имени 17 миллионов организованных пролетариев приветствует великого мастера пролетарской литературы, любимого писателя рабочих масс — Максима Горького в день славного сорокалетия его неутомимой творческой работы и революционной борьбы за торжество пролетарского дела.

Художественный гений Горького вырос, окреп и созрел в неразрывной связи с ростом революционной мощи рабочего класса нашей страны. Героическая борьба пролетариата и его коммунистической партии за социализм, борьба за...

...жении, коллективно создают начатые по инициативе Горького «Историю фабрик и заводов», «Историю гражданской войны» — великие документы героической эпохи пролетарской революции.

Рабочий класс Советского союза привык видеть Максима Горького в первых рядах лучших представителей своей революционной интеллигенции, беспощадно разящим старый мир прогнившего капитализма, извергнутых пролетарской революцией белоэмигрантов, вдохновителей и организаторов войн и интервенций, лакействующих вождей II интернационала, близоруких пацифистов, ме...

...

Секретарь ВЦСПС Г. ВЕЙНБЕРГ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ВЦСПС.

...

ОТ УРАЛОБКОМА ВКП(б).

...

УРАЛОБКОМ ВКП(б).

ОТ ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б).

...

ЗАПСИБКРАЙКОМ.

ОТ НАРКОМПРОСА РСФСР.

Коллегия Наркомпроса РСФСР горячо приветствует великого пролетарского писателя Максима Горького в день его 40-летней литературно-художественной и общественной деятельности.

Велики заслуги Горького перед трудящимися нашей страны и всего мира. Как крупнейший представитель пролетарского искусства Горький является признанным руководителем в деле воспитания новых писательских кадров из рабочих и крестьян. Коллегия особо отмечает, что творения Горького воспитывают молодое поколение в духе ненависти к эксплоататорскому миру, к миру рабовладельцев и империалистических хищников, они воспитывают молодое поколение в духе борьбы за подлинную пролетарскую правду, за коммунизм, против ханжества и мещанства, в духе бодрости и пролетарской непримиримости.

В ознаменование 40-летнего юбилея литературно-художественной и общественной деятельности Горького коллегия постановляет:

1. Организовать литературный музей им. Горького.
2. Установить в вузах НКП 10 стипендий имени Горького.
3. Установить горьковские премии учащимся начальных и средних школ, которые проявят особые способности и покажут образцы в изучении родного языка и литературы.
4. Библиотекам при Московском и Ленинградском университетах, выделяемым в самостоятельные научные государственные библиотеки, присвоить имя Горького.
5. Опытной школе № 1 НКП, добившейся отличных результатов в преподавании родного языка и литературы, присвоить имя Горького.

Нарком по просвещению

А. БУБНОВ.

ОТ ЦК ВЛКСМ.

Дорогой Алексей Максимович! Центральный комитет ленинского комсомола вам—лучшему ударнику пролетарской литературы, борцу за социалистическое преобразование мира, от имени миллионов молодых большевиков передает пламенный комсомольский привет.

Вся ваша жизнь, весь путь вашей сорокалетней литературной деятельности, является великим делом служения рабочему классу. Ваша биография—образец неутомимой жажды овладения передовой культурой, блестящий пример того, как нужно отдавать знания делу пролетарской революции.

Нам, молодежи, овладевающей под руководством большевистской партии всей суммой человеческих знаний, высотами культуры, особенно дорого ваше чуткое отношение к развитию и творчеству трудящейся молодежи. Ваши произведения и публицистические статьи, полные огня и энтузиазма, насыщенные...

...

ЦК ВЛКСМ.

О РАБОТЕ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА.

Постановление ЦК ВКП(б) от 16 сентября 1932 г.

I.

ЦК ВКП(б) констатирует, что резкое снижение добычи угля в Донбассе за последнее время вновь создает напряженное состояние топливного баланса страны и ставит под угрозу выполнение плана важнейших, решающих отраслей народного хозяйства.

Основной причиной ухудшения работы угольной промышленности является тот факт, что решения ЦК о работе угольной промышленности от 5.VII и 15.VIII 31 г., давшие развернутую систему мероприятий по укреплению базы механизации и капитальному строительству, по организации труда и укреплению хозяйственно-технического руководства, по закреплению кадров и культурно-бытовому их обслуживанию Наркомтяжпромом (по линии хозруководства), Наркомснабом и Центросоюзом (по линии продснабжения) и партийно-советскими органами Донбасса (по линии общего руководства), либо не выполнялись, либо выполнялись рывками, бессистемно и далеко не в решающих своих частях.

Считая такое положение абсолютно нетерпимым, ЦК ВКП(б) обязывает Наркомтяжпром, Наркомснаб и Центросоюз безусловно выполнить эти решения с представлением в ЦК ВКП(б) через каждые два месяца отчетных докладов о принятых мерах.

II.

ЦК ВКП(б) считает, что решающей задачей угольной промышленности Донбасса в данный момент является переподготовка и подготовка технически грамотных квалифицированных рабочих и низшего командного состава по углю.

Для выполнения этой задачи признать необходимым:

а) создание при шахтах шестимесячных вечерних курсов переподготовки машинистов врубовых машин, бурильщиков на электросверлах, электриков, машинистов скреперных лебедок, машинистов конвейерных приводов, лебедчиков, камеронщиков, машинистов электровозов,—без освобождения их от работы на производстве;

б) создание при рудоуправлениях годичных школ по подготовке машинистов врубовых машин, монтеров и электромонтеров шахт, машинистов под'емных машин, машинистов электровозов, дорожных мастеров, техников-путейцев, электрослесарей, горных мастеров по вентиляции и безопасности,—с освобождением их от работы на производстве.

Контингенты обучающихся на курсах и школах определить тт. Пятакову и Косиору Иосифу в двухдекадный срок.

Организацию курсов и школ поручить угольным трестам Донбасса под руководством Донецкого обкома, Севкавкрайкома и тов. Косиора Иосифа. Организацию курсов и школ закончить к 1 декабря 1932 года.

Усилить, начиная с IV квартала 1932 года, переподготовку и переквалификацию десятников в горные мастера с таким расчетом, чтобы закончить ее в двухлетний срок, обеспечив в 1933 году горными мастерами 50% шахт.

Установить, как правило, для всех оканчивающих учебные заведения инженеров и техников каменно-угольной специальности обязательным не менее, чем 3-летний производственный стаж на шахтах, допуская лишь при этом условии занятие ими технических должностей в аппаратах рудоуправлений, трестов и др. учреждений.

III.

В целях усиления донецкой партийной организации руководящими кадрами командировать в Донбасс: т. Акулова, рекомендовав его первым секретарем обкома, и т. Саркиса, рекомендовав его секретарем по снабжению.

В целях усиления советской работы в Донбассе, рекомендовать перевод т. Чувырина с должности первого секретаря Донецкого обкома на должность председателя исполкома Донецкой области.

ЦК ВКП(б).

СТРАНА СОВЕТОВ ПРИВЕТСТВУЕТ ВЕЛИКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ.

БОРЦУ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ.

Охраняя мирный труд социалистической страны, бойцы, командиры и политработники Красной Балтики шлют боевой краснофлотский привет буревестнику революции, борцу против империалистической войны и интервенции, крупнейшему писателю пролетариата—Максиму Горькому.

Личный состав морских сил Балтийского моря, высоко ценя заслуги Максима Горького перед рабочим классом, трудящимися СССР и всего мира, просит правительство наградить Горького орденом Ленина.

Наши корабли, форты и самолеты готовы по первому зову ленинской партии и правительства дать сокрушительный отпор всем силам империализма, которые готовятся напасть на нас и которых метко и ярко разоблачает Горький.

Приветствие бывших беспризорников.

(Деткомиссия им. Дзержинского).

Бывшие беспризорные шлют вам горячий привет.

Вы у нас были в 1928 г., когда наша коммуна была еще маленькой. Наша коммуна растет. Мы приняли в этом году в нашу семью новых 180 беспризорных с улицы. Мы открыли завод ручных электрических сверлилок. Мы открыли рабфак при Машиностроительном ин-те и в этом году выпускаем 24 коммунара в вузы и втузы.

Мы строим и будем строить вместе с рабочим классом социализм под руководством славной партии Ленина.

Мы очень просим вас 29 декабря этого года, в день пятилетия нашей коммуны, приехать к нам.

МОСКВА.

ЗЛЕЙШЕМУ ВРАГУ КАПИТАЛИЗМА.

(Автозавод им. Сталина).

Тебе, основоположнику мировой пролетарской литературы, злейшему врагу капитализма, одному из организаторов антивоенного конгресса, защитнику социалистического отечества, мыслителю и художнику пролетариата, в день 40-летия славной литературной деятельности 20.000-ный коллектив 1-го гос. автозавода имени Сталина шлет пламенный пролетарский привет!

Алексей Максимович! 4 года назад ты посетил наш завод—первенец советского автостроения.

За эти годы, под испытанным руководством ленинской партии и ее вождя тов. Сталина, осуществляя ее генеральную линию, мы создали крупнейший в мире автогигант грузовых машин.

Мы уверены, что ты еще долгие годы своими гневными и смелыми словами будешь звать мировой пролетариат на штурм капитала!

САМЫЙ БЛИЗКИЙ И ПОНЯТНЫЙ НАМ ПИСАТЕЛЬ.

(Краснознаменная «Трехгорка»).

Рабочие краснознаменной «Трехгорки» горячо поздравляют тебя, дорогой Алексей Максимович, с 40-летием литературного труда.

Никто из писателей в то время не показал так ярко, правдиво и бесстрашно нашу жизнь, как это сделал ты, первый пришедший к нам с голой правдой и со жгучим призывом к борьбе. Правдивость твоих книг была самым грозным обвинением против царской, помещичьей России.

Наши работницы плачут, слушая чтение твоих рассказов о прежней жизни. Зато потом радостнее нам смотреть вокруг себя и видеть перемены, которые принес великий Октябрь, наша великая ленинская партия, видеть рабочие дворцы и санатории, чистые ясли, наших детей, идущих в писатели, инженеры, на верхи научной и хозяйственной работы.

Как и прежде, ты с нами, самый близкий, понятный нам человек из художников-писателей.

По твоей идее уже пишется и частично печатается «История Трехгорной м-ры», где рассказывается, как мы стали хозяевами фабрики, особняков и всей страны.

Твоей постоянной заботе мы обязаны тем, что теперь у нас растет много молодых «рабочих-писателей», прошедших «горьковскую» учебу. Наша просьба к тебе, Алексей Максимович,—продолжай учить молодых писателей.

БУРЕВЕСТНИКУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(З-д «Электросталь», Ногинск).

Металлисты завода «Электросталь» приветствуют Максима Горького. Имя Максима Горького широко известно не только рабочему классу Советского союза, но и за границей. Его остроотточенные, облеченные в художественную форму слова поднимали на борьбу рабочий класс в мрачную пору царизма. Его слова в дни напряженнейшей социалистической стройки вдохновляют рабочий класс к борьбе за победу социализма, за построение бесклассового социалистического общества. Его слова снимают лживые покровы с пацифистских речей деятелей буржуазной культуры, за густым туманом лицемерия и ханжества готовящих новую кровопролитную бойню.

Максим Горький являлся буревестником пролетарской революции в России, и сейчас он является буревестником мировой пролетарской революции.

Приветствуя своего горячо любимого пролетарского писателя Максима Горького, металлисты завода «Электросталь» обязуются усилить свою борьбу за выпуск высококачественных сталей.

ПРИВЕТСТВИЕ СОВЕТОВ КРАСНЫХ СТОЛИЦ.

МОСКОВСКОГО.

Московский областной исполнительный комитет и Моссовет от имени рабочих, колхозников, трудящихся и культурных сил пролетарской столицы и области шлют тебе, дорогой Алексей Максимович, в день сорокалетия литературной деятельности пламенный привет.

Твоя неутомимая сорокалетняя литературная творческая работа, направленная против эксплоататорского мира, помогла рабочему классу разрушить старый, буржуазно-помещичий строй и помогает создавать новую, социалистическую жизнь под руководством великой партии Ленина.

Твое острое перо против мирового капитала и империалистических войн вызывает бешеную ненависть буржуазии и ее «социалистических» лакеев и горячую любовь к тебе рабочего класса, передовых слоев интеллигенции и угнетенных масс всего мира, борющихся за мировую коммунистическую революцию.

Желаем нашему дорогому юбиляру, великому пролетарскому писателю, активному борцу за дело рабочего класса, активному участнику строящегося социализма, еще много лет жизни и литературного творчества на страх классовым врагам и на радость борцам за коммунизм!

МОСК. ОБЛ. ИСПОЛН. КОМИТЕТ СОВЕТОВ.
МОСК. СОВЕТ РАБ., КР. И КР. ДЕПУТАТОВ.

ЛЕНИНГРАДСКОГО.

Великому пролетарскому писателю, певцу и буревестнику героической борьбы рабочего класса, организатору и непосредственному участнику истории заводов и гражданской войны, главному руководителю и подлинному энтузиасту молодой пролетарской литературы—Алексею Максимовичу Горькому, Ленинградский совет от имени рабочих и трудящихся города Ленина в день сорокалетия его литературной и общественно-политической деятельности шлет пламенный привет.

Твои заслуги перед пролетариатом всего мира огромны. Ты создал незабываемые образцы художественного слова, воспитал поколение пролетарских мастеров пера и всей своей жизнью и деятельностью показал миру высокий образец пролетарского писателя.

Ленинградский совет твердо уверен, что ты, Алексей Максимович, со свойственной тебе неугасающей энергией, под руководством ленинской партии, вместе с рабочим классом будешь и дальше еще упорнее работать над воспитанием и ростом молодых писательских кадров пролетариата, остро оттачивая могучее орудие—пролетарскую литературу и пролетарское искусство в борьбе за построение бесклассового социалистического общества.

Постановление Ленинградского совета.

Ленинградский совет, отмечая 40-летие литературного творчества великого писателя Максима Горького, постановляет:

1. Присвоить имя Максима Горького ленинградскому Большому драматическому театру.
2. Присвоить имя Максима Горького ленинградскому дому ученых.
3. Переименовать Кронверкский проспект в проспект имени Максима Горького.
4. Установить 10 стипендий по 300 руб. в месяц имени Максима Горького для лучших и наиболее способных учащихся из рабочих и крестьян, студентов, литературных работников учебных заведений Ленинграда.

ЛЕНИНГРАД.

«МЫ ГОРДИМСЯ ТЕМ, ЧТО ТЫ В НАШИХ РЯДАХ».

(«Красный путиловец»).

—Приветствуем тебя с сорокалетием литературной деятельности. Пройденный тобою путь — славный путь пролетарского писателя, борца против эксплоатации человека человеком, против капиталистической системы лжи и обмана трудовых масс.

Под твоим руководством выросло и воспиталось целое поколение пролетарских писателей Советского союза. На твоих художественных произведениях учатся новые кадры пролетарского литературного молодняка. Созданные тобою образы борцов за пролетарское дело долго будут жить и владеть умами миллионов трудящихся масс Советской страны.

Мы гордимся, что в наших рядах, борцов за переустройство мира, в рядах пролетариев, строящих социализм, в передовой шеренге находишься и ты, Алексей Максимович, любимейший писатель рабочего класса. Мы надеемся, что еще долгие годы будут звучать сильные и смелые слова буревестника революции.

«МЫ ЛЮБИМ И ЦЕНИМ НАШЕГО ГОРЬКОГО».

(Балтийский завод).

В дни 40-летия литературной деятельности великого пролетарского писателя, человека огромной культуры, зоркого часового, стоящего на страже завоеваний Октября, противника новых империалистических войн, мы, рабочие Балтийского завода, шлем пламенный пролетарский привет нашему Максиму Горькому и желаем много лет дальнейшей литературной работы, направленной на создание бесклассового социалистического общества.

Мы любим и ценим нашего Максима Горького за то, что он сумел совместить идеальное, художественное творчество с самым активным, непосредственным участием в общественной жизни. Призыв ударников в литературу для создания крепких пролетарских писательских кадров, составление «Истории фабрик и заводов» и ряд других важнейших начинаний в общественной и культурной жизни страны,—все это принадлежит инициативе гениального человека современности—Максима Горького.

Мы недавно читали твою речь, которую ты приготовил для антивоенного конгресса в Амстердаме, куда струсившие буржуазные правители не допустили нашу советскую делегацию. Мы заверяем тебя, Максим Горький, что хотя тебе эту речь и не удалось произнести, но ее услышал весь мир, и угнетенный пролетариат вместе с передовой частью интеллигенции станет с оружием в руках против своих эксплоататоров.

ХАРЬКОВ.

АКТИВНОМУ БОРЦУ ЗА БЕСКЛАССОВОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Харьковский тракторный).

Привет тебе, 40 лет борющемуся за интересы рабочего класса. С большим вниманием мы следим за твоей литературно-политической работой, которой ты так мастерски вскрываешь всю гниль и мрак капитализма, в то же время активно борясь за пролетарскую культуру, за создание бесклассового социалистического общества. Мы отмечаем твой 40-летний юбилей под'емом производительности труда и выполнением производственной программы нашего завода.

Дорогой Алексей Максимович, мы заверяем тебя, что активно проводим и будем проводить в жизнь все те идеи, за которые ты боролся в течение 40 лет, и просим тебя приехать к нам на завод, чтобы ты детально ознакомился с нашим производством, с нашей культурно-массовой работой на основе учения Маркса—Ленина—Сталина.

ОБЕЩАЕМ РАБОТАТЬ С УДВОЕННОЙ ЭНЕРГИЕЙ.

(«Серп и молот»).

10-тысячный рабочий коллектив серпомолотовцев горячо приветствует нашего любимого пролетарского писателя.

Твой мощный голос мы слышали в годы черной реакции, когда ты вместе с нашей большевистской партией дрался против самодержавия, за дело пролетарской революции. Твой голос художника, борца революции мы с любовью слышали и слышим в годы великой социалистической стройки. Каждое твое слово придает нам еще больше уверенности в окончательной победе социализма во всем мире. Мы обещаем с удвоенной энергией и настойчивостью под знаменем партии Ленина осуществлять великое дело построения бесклассового социалистического общества.

УРАЛ.

НАГРАДИТЬ ГОРЬКОГО ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

(Уралмашстрой).

Твой юбилей, Алексей Максимович,—праздник мировой пролетарской культуры.

За годы революции пролетариат сумел вырастить из своей среды многих своих мастеров литературы и культуры.

Празднуя юбилей Горького, мы, пролетарии Уральского машиностроительного гиганта, выдвигаем следующие предложения:

— Наградить Максима Горького орденом Ленина.

— Организовать по всей стране широкое обсуждение планов культурного строительства второй пятилетки, широко организовать ударные бригады культуры и литературы.

ЗАП. СИБИРЬ.

ГОРЬКОВСКИЙ ПРИЗЫВ УДАРНИКОВ В ЛИТЕРАТУРУ.

(Сталинск).

— Строители и металлурги Сталинска чествуют Максима Горького. Во всех цехах, рабочих бараках проводятся митинги и беседы о Горьком. Рабочие принимают встречные планы им. тов. Горького. Бригады доменного цеха и механического об'явили горьковский призыв ударников в литературу. Этот призыв подхвачен многими цехами и бригадами.

В «Большевистской стали» и «Стальной смене» выходят полосы, посвященные Горькому. В связи с подготовкой особенно оживилась работа редакции по истории завода. Старейшие рабочие площадки берут обязательство пополнить материалами.

СТАЛИНГРАД.

«ВАШЕ ИМЯ — ЗНАМЯ БОРЬБЫ ЗА ЧЕЛОВЕКА СОЦИАЛИЗМА».

(Сталинградский тракторный).

Много поколений прошло по Волге, но ни одно не тронуло резко ее берегов. Нищета, грубая эксплоатация, варварское распыление ценнейшей человеческой силы — вот что господствовало испокон веков на Волге. Жизнь поколений шла самотеком, как идут воды реки. Бедность и гнет шли по наследству из рода в род и не было такой силы, чтобы изменить можно было стихийный ход вещей.

На берегах этой реки вы провели свое детство, суровым было оно. Ваши искренние строки восстанавливают яркие образцы прошлого. Они помогают нам, создавшим величайшую крепость большевистской техники — Сталинградский тракторный завод, выстроившим в два года большой благоустроенный город со стотысячным населением, понять и прочувствовать все величие творящегося сегодня.

Решительно меняются черты Волги. Ее скоро вспугнет Камышинская плотина, и великая река пойдет спасать наши степи от засухи — вековечного бича крестьянства.

На нашем заводе работают тысячи погодков революции. Эти ярма не понят и на таких ярма не надеть. Свободный, энергичный, подчиняющий, а не ломающий униженно спину рабочий, руководимый партией, строит социализм. Ваша жизнь, так мастерски вложенная в ваши книги, зовет нас к еще более ожесточенной борьбе с наследием поялого прошлого.

Мы расскажем всей стране, как боролись и превращались в большевиков строители, монтажники завода. История нашего завода, которую мы сейчас пишем, будет известна всему Союзу и всему миру. Только-что отстроенный в нашем поселке дворец культуры, мы называем вашим именем. Оно — знамя борьбы за социализм.

Н.-НОВГОРОД.

ТВОЙ ПУТЬ — ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

(«Красное Сормово»).

— От имени 20 тыс. рабочих «Красного Сормова» приветствуем тебя с 40-летием литературной деятельности. ВЕСЬ ТВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЬ СОЧЕТАЛСЯ И СОЧЕТАЕТСЯ С РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБОЙ.

Рабочие «Красного Сормова» хотят вновь встретиться с тобой у станков и мартенов, вместе с тобой вспомнить о той героической борьбе, которую вел и ведет рабочий класс под руководством ленинской партии за завоевание и укрепление власти пролетариата. Империалисты всех стран усиленно готовятся к войне, к нападению на Страну советов. Тебе, достойному сыну рабочего класса, упорно разоблачающему происки буржуазии, обеспечена поддержка пролетариата СССР и пролетариев всего мира.

ПРИВЕТСТВИЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГРУЗЧИКОВ.

— Мы знаем, что ты все свои молодые годы провел в Нижнем-Новгороде. Ты знаешь лучше, чем другие, те неимоверно тяжелые условия, в которых приходилось работать грузчику того времени: ты сам не раз испытал на своих плечах тяжесть грузчицкого ярма.

Мы просим тебя, Алексей Максимович, чтобы ты выбрал время и приехал к нам посмотреть, как изменил свое лицо город, в котором ты провел немало лет жизни, как культурно вырос грузчик.

В. Кирпотин.

Горький—великий художник пролетариата.

Сорок лет назад в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан первый рассказ Максима Горького «Макар Чудра». С этого момента начинается богатая и плодотворная литературная деятельность Горького, шумное и быстрое распространение его революционизирующего влияния в среде прогрессивно настроенных читателей России и Европы.

Девяностые годы прошлого века—годы общественного оживления, нарастающего революционного под'ема, обусловленного ростом силы, сознательности и активности рабочего класса.

И в шестидесятые, и в семидесятые годы революционное движение в стране потерпело поражение. Чугунное чудище крепостнического самодержавия не только не было низвергнуто, но, казалось, приобрело лишь новую давящую силу. Неудача первых шагов революционного движения, мрак реакции сеяли уныние, тоску, рождали чувство бессилия, создали гнетущую атмосферу восьмидесятых годов.

Поколение народников, великих революционеров, сменилось поколением легальных народников, революционная агитация сменилась проповедью малых дел, оппортунизмом, приспособленчеством в политике, в жизни, в теории, в литературе.

Однако, как ни тяжел был гнет правительственной реакции, как ни удушлива общественная атмосфера 80-х гг., неутомимый крот истории делал исправно свое дело. За десятилетие 1870—1880 гг., по самым скромным подсчетам, бастовало 120.000 рабочих, большая доля стачек заканчивалась полной или частичной победой рабочих. Это был тоже революционный под'ем—под'ем, не понятый и не замеченный современниками, увлеченными эффектной картиной единоборства «Народной воли» с самодержавием. Но самое главное — этот-то рабочий под'ем не потерпел поражения, не был разгромлен, он рос и ширился в относительной тиши, пока бурные и могучие проявления его не вырвались на поверхность в стачках 90-х годов, руководимых «Союзами борьбы», руководимых уже начавшим свою всемирно-историческую деятельность Владимиром Лениным. (Показательно, что одной из самых ранних связей Горького с революционными организациями является его участие в марксистском кружке Федосеева в Казани в 1887 г.).

Сложился, вырос, окреп рабочий класс; пролетариат стал гегемоном в революционной борьбе. Революционная борьба, казалось, из безнадежного дела одиночек превратилась в могучее, бодрое, все нарастающее движение масс с реально осязаемыми перспективами полной победы. Социально-политическая атмосфера стала очищаться.

Революционная борьба перестала быть безнадежной, бодрый, полный энергии рабочий класс стал во главе движения, бодрое оживление сменило унылые сумерки, бодрое движение породило бодрые песни:

«Безумству храбрых поем мы славу! «Безумству храбрых—вот мудрость жизни! О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время—и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом, гордым к свободе, к свету!

«Безумству храбрых поем мы песню!»

Песня о безумстве храбрых—вот основное содержание романтических рассказов первой полосы литературной деятельности Горького. В этом политический тонус первого рассказа Горького, сказок старухи Изергиль и т. д., на этом в конечном счете базируется идеализация свободолюбивых и непокорных босяков в противовес серенькому обывательскому прозябанью покорных и верных подданных российских самодержцев Александра III и Николая II.

«И гагары стонут перед бурей». И запоздалая российская буржуазия, переживавшая полосу промышленного под'ема, нуждалась в идеологическом оружии против господствовавших еще в «обществе» традиций народничества с его аскетизмом, с его идеей долга образованных и господствующих классов народу. В противовес народничеству буржуазная интеллигенция искала идеологические цветные тряпки, которыми можно было бы прикрыть постыдное пресмыкательство перед царизмом, стремление к неограниченной эксплоатации рабочих и безудержному удовлетворению своих потребительских инстинктов, своих похотей. Буржуазия попыталась было использовать в этих целях Горького подобно тому как «легальный марксизм» пытался выполнить эту же самую задачу в области теории и политики. Создали сказку о Горьком как о певце ницшеанского сверхчеловека, ничем не ограниченного владыки и поработителя, рассматривающего всех остальных людей лишь как средство для удовлетворения своих прихотей. Естественно, что народники, не понявшие и не бывшие в состоянии понять новой исторической обстановки, созданной переходом гегемонии в революционном движении к пролетариату, вторили буржуазной оценке творчества Горького, ставя только знак минус там, где буржуа ставил знак плюс, относясь с осуждением к тому, к чему буржуа относился положительно. Михайловский видел в творчестве Горького лишь разновидность декадентства. Большевистская критика очень рано выступила против подобного искажения смысла творчества Горького. Вацлав Воровский, оценивая первые произведения Горького, полемизировал с негодными попытками изображения молодого писателя в качестве певца сверхчеловека. Боль о человечестве, о массах, об угнетенных и эксплоатируемых является движущим мотивом горьковского творчества в целом, начиная с первого же его рассказа. В конце концов Горький, рисуя сильные, смелые характеры, с могучими, цельными страстями и порывами, имел в виду, как выражается Энгельс в письме к Паулю Эрнсту, настоящего человека в противовес плюгавому, притерпевшемуся ко всякому гнету и неправде мещанину, человека, «который еще обладает характером, способен к инициативе и действует самостоятельно» (Термины Энгельса). Революционная борьба всегда рождает таких настоящих людей. Родились они и в старой российской обломовке, как только развернулась борьба за низвержение самодержавия, и особенно много стало выковываться таких характеров в революционной борьбе рабочего класса. Особенности горьковской биографии привели к тому, что он первоначально стал черпать образы настоящего человека из среды босяков и из старых цыганских легенд. Конечно, Горький сумел в дальнейшем разглядеть, что представляет собой реальный босяцкий мир, что не в нем следует искать передовых борцов за подлинно человеческие условия существования человечества. «На дне» уже говорит о бессилии и ужасе дна, об оппортунизме слезливой, успокаивающей, примиряющей проповеди странника Луки.

У Горького можно найти прямую полемику против буржуазного ницшеанского индивидуализма, облаченную в костюм художественных образов. Первый рассказ старухи Изергиль есть, если хотите, рассказ о наказанном ницшеанце, о бесчеловечности свободы и могущества, направленных только для удовлетворения личного эгоизма. Ларра, сын женщины и орла, жил так, как подобает жить «сверхчеловеку»: «вольный, как птица, он приходил в племя и похищал скот, девушек—все, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела... Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу». Но Ларра затосковал в своем одиночестве. Его гордая одинокая свобода, не согретая близостью с другими людьми, стала ему в тягость. Он захотел умереть, но он не мог умереть, наказание его было в нем самом. Он был бессмертен. «Ему нет жизни и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражен человек за гордость».

Симпатии Горького не на стороне Ларра, а на стороне Данко, другого легендарного героя рассказов старухи Изергиль. Данко—также романтическая фигура, противопоставленная тоскливой жизни бессильного большинства, влачащего свои жалкие дни во мраке сырого, болотного, непроходимого леса. Однако гордый и свободолюбивый Данко думал не о том, чтобы насытить свою эгоистичную гордость. Он любил людей. «Что сделаю я для людей?»—вот вопрос, который волновал его. Он повел своих собратьев из сырых, темных чащ на солнечный простор. И когда ведомые им сбились в темноте с дороги и зароптали, он вырвал из груди свое горящее сердце, поднял его, как путеводный факел, над толпой, и вывел, ценою своей гибели, погрязавших во мраке на светлый путь.

Романтическая легенда о Данко имела свой политический эквивалент. Она предшествовала песне о соколе, она была злободневна и актуальна, ибо она звала на борьбу, на подвиг, она славила ту приподнятую действенную бодрость, ту готовность к самопожертвованию во имя общего дела, во имя страдающих и обездоленных, без которых не бывает никогда революционного под'ема.

С первых же шагов своей сорокалетней литературной деятельности Горький очень остро поставил вопрос об антагонизме эксплоататоров и эксплоатируемых. И в рассказах о босяках у Горького звучит голос ненависти и презрения к эксплоататорам.

«Сытый человек» — зверь,—поучает дед Архип Леньку в одном его рассказе. И никогда он не жалеет голодного. Враги друг другу—сытый и голодный, веки вечные они сучком в глазу друг у друга будут. Потому и невозможно им жалеть и понимать друг друга...».

Весь рассказ, развертываемый Горьким со спокойным мастерством художника, под рукой которого события говорят сами за себя, целиком направлен против сытой «справедливости» богатых, во имя ограждения своей собственности жестоко обрекающих на смерть двух бездомных бродяг.

Романтический пафос первых рассказов Горького тем кардинально отличается от обычного буржуазного и мелкобуржуазного романтизма, что последний всегда основывается на покоющемся на частной собственности, буржуазном индивидуализме, а яркая проповедь Горького не только была революционна, но и была обращена против собственности против ее жадности, эгоизма, алкотизма. «Разве из-за денег можно так истязать себя!» — восклицает Челкаш, одна из наиболее ярких босяцких фигур Горького.

С первых же шагов своей литературной деятельности Горький был и отобразителем и деятелем могучего революционного под'ема в стране, вызванного выступлением пролетариата в качестве руководящей силы в революционной борьбе, подготовлявшего события 1905 г. В этом смысле творчество Горького с первых же шагов отличалось злободневностью и политической актуальностью, не в вульгарно - иллюстративном, а в лучшем значении этих понятий применительно к искусству. Злободневность и актуальность творчества Горького и создала ему невиданно быстрый литературный успех.

Сложность творчества Горького, богатство изображенных социальных типов породили целый ряд недоумений и неправильных характеристик социальных симпатий Горького даже иногда в марксистской среде. Так, покойный Фриче писал, что Горький «искал этого творца, смета, строителя космоса в босяке, в буржуазии, в интеллигенции и постоянно разочаровывался. Он нашел этого строителя в рабочем классе и воздвиг ему—борцу и творцу—нерукотворный памятник».

Меж тем мы уже видели, что, выдвигая на первый план художественный образ босяка в своих произведениях, Горький не впадал в апофеоз голого своеволия, в апофеоз анархо - индивидуалистических или ницшеанских ничем не ограниченных притязаний отдельной личности. Забота о коллективе страдающего человечества, о правде, о красоте его жизни не покидала его и в этот период его творчества. Что касается интеллигенции, постоянно привлекавшей к себе внимание Максима Горького то он так же относился к ней, как к самоцели. Есть интеллигенция и интеллигенция—«Дачники» Горького это очень хорошо показали. Есть интеллигенция, которая погрязла во всей грязи и убогости правящих классов, которым она служит верой и правдой, есть интеллигенция, которая покидала стан «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови» и отдавала все свои силы для освобождения огромного большинства от политического гнета и экономической эксплоатации. Именно этой интеллигенции принадлежат симпатии Горького, даже когда он бывал склонен несколько переоценивать ее значение. Интеллигенция привлекала симпатии Горького во имя торжества социализма, при чем социализма не утопического, а того, основы которого были заложены Марксом и Энгельсом. Горький вел длительную и упорную борьбу за интеллигенцию, за отрыв ее от неправды старого мира, за превращение ее в деятельных помощников рабочего класса по разрушению старого и созданию нового мира. Отношение Горького к интеллигенции подготовляло особенно четкую постановку вопроса, обращенного им недавно ко всем тем, кто имеет еще уши, чтобы слышать: «С кем вы, мастера культуры?» «С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции?»

На буржуазию же Горький никогда не смотрел как на «творца света», как на «строителя космоса». То самое произведение, на которое ссылаются обычно, чтобы доказать ставку Горького на буржуазию, красноречивейшим образом гласит против буржуазии. Конечно, Маякин в «Фоме Гордееве» художественно одно из лучших достижений Горького. Конечно, Маякин очень умен. Его незаурядный политический смысл выражается рельефно в том, что он ставит в ясной форме проблему власти в стране. «Не в деньгах дело,—раз'ясняет он,—а во власти. Вот куда наш брат должен курс держать». Но ведь вся превосходная повесть Горького целиком направлена против буржуазии, ведь она показывает, как талантливая и деятельная натура Фомы Гордеева всем строем купеческого и заводчиковского быта смыкается и втаптывается в грязь. «Вы не жизнь строили,—обличает Фома, обращаясь к буржуазии,—вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы руками своими. Есть у вас совесть? Помните вы бога? Пятак—ваш бог! А совесть вы прогнали... Куда вы ее прогнали? Кровопийцы! Чужой силой живете... чужими руками работаете! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших? И в аду вам, сволочам, места нет по заслугам вашим... не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут. Веками не избудете мучений...».

Не мог Горький с первых же шагов своего литературного служения угнетенному и эксплоатируемому человечеству видеть в буржуазии, работающей чужими руками, источник света. Голос его обличал буржуазию как источник мрака, гнета, грязи и нищеты. Буржуазная критика именно с «Фомы Гордеева» и «Троих» прекрасно разглядела, что использовать творчество Горького для своих целей ей не удастся, что Горький — ее враг вместе с пролетариатом, вместе со всем трудящимся человечеством. Поэтому с «Фомы Гордеева» и «Троих» начинаются сопутствующие, кажется, всей остальной литературной деятельности Горького крики об упадке его таланта; крикам этим уже тоже можно справлять солидный тридцати—тридцатипятилетний юбилей. Моська буржуазной критики надрывалась от лая, а слон пролетарской литературы шел себе вперед, от успеха к успеху, совершенствуя свои труды, работая на дело создания бесклассового общества, где буржуазии уже вовсе не будет ни в экономике ни в литературе и литературной критике.

«Трое» уж совершенно недвусмысленно показывают, на какие силы Горький рассчитывает для переустройства жестокой и бедной окружающей жизни, против которой он поднял бунт уже в первом своем рассказе. Не путь Ильи, путь торговли и стяжания, не путь смирненького и покорного Якова, а путь пролетарии Павла ведет через тяготы и кровь, через долголетнюю и трудную борьбу к победе, к полноте и радости социалистических условий существования. Точно так же машинист Нил в «Мещанах»—реалистический образ, сулящий обновление жизни не только в более или менее близком грядущем, но уже сегодня противопоставленный по богатству его творчески-деятельной жизни пролетария и революционера серой обыденщине мещанской обывательщины царской России. Пьеса «Враги» даже Плехановым, как мы увидим, скептически, отрицательно относившимся к социализму Горького (а следовательно и к Горькому как к пролетарскому писателю), была признана мастерским изображением «психологии современного рабочего движения».

Тем любопытнее и поучительнее отрицательное отношение Плеханова к роману Горького «Мать». События романа формально базируются на фактах рабочего движения в Сормове в период 1902 года, на деле же «Мать»—роман о революции 1905 г., по свежим впечатлениям которой он и написан. Герои романа, Павел и его мать, Пелагея Ниловна—социал-демократы-большевики. Вот большевистский характер романа и был причиной неодобрительного отзыва Плеханова. В противность мнению меньшевиков роман «Мать», обошедший по своем выходе сознательного рабочего-читателя всего мира, несмотря на некоторые второстепенные его недостатки, художественно удался автору. Он до сих пор волнует читателя, до сих пор является любимой книгой рабочего читателя всего мира. Меньшевистской критике приходилось прибегать к уловкам и придиркам, чтобы доказать надуманность и нехудожественность будто бы как самого романа, так и его героев. Кубиков в качестве «убийственного» аргумента против Горького выдвинул радостность настроений матери, постоянно подчеркиваемую Горьким. Это верно, что старая Ниловна, обретшая смысл жизни в активной революционной работе, к тому же еще религиозно настроенная, постоянно испытывала радостное умиление, даже в страданиях своих, видя, как борьба за правду и справедливость сплачивает все больше и больше рабочих и крестьян, как близится торжество новой и светлой жизни. Ничего неестественного, а следовательно и противного искусству, в этом нет. Если стать на точку зрения Кубикова, то придется признать выдуманным образ Николая Ростова из «Войны и мира», ибо с «убийственной повторяемостью в описании его переживаний» во время сражений Толстым подчеркивается черта веселости. Горький показал в романе в полном согласии с марксизмом, как рабочий класс, содержимый капиталистическим строем на положении скота, в грязи, нищете, в невежестве, под влиянием революционной борьбы за уничтожение капитализма, в процессе самой борьбы приобретает подлинно человеческие черты — чувство собственного достоинства, активность, инициативность, нетерпимость к гнету, эксплоатации, несправедливости, коллективный дух, уважение к женщине, тягу к знанию, к культуре. И где же было Горькому, восставшему против материальной и духовной скудности, против зверской жестокости быта царской России, найти подлинную человечность, истинно человеческие отношения, как не в среде пролетариата, борющегося не только за низвержение монархии, но и за социализм, как не в среде той партии, под руководством которой всем народам всей земли предстоит освободиться от гнета и грязи капитализма и его собственнической звериной морали? Не предвзятые ложные мысли, а верный путь к художественному реализму привел Горького к «Матери».

Правдиво показано Горьким в романе новое, что появилось в русской деревне XX века,—дух активного недовольства, дух протеста, утраты веры в начальство, в царя, в его устои, восприимчивость к революционной пропаганде. Ничего надуманного, противохудожественного не было в том, что Горький показал, как революционная большевистская социал-демократия закладывает основы союза рабочих и крестьян, того союза, который в семнадцатом году обеспечил и низвержение плоэнага и установление диктатуры пролетариата. Наоборот, голос политической и художественной правды

Мастеру пролетарской литературы от мастеров забоя.

Дорогой Алексей Максимович! 40 лет твоей литературной и общественно-политической деятельности — большой праздник пролетариата.

Жизнь твоя — борьба за рабочую правду, против несправедливости буржуазного гнета. В твоем лице рабочий класс всего мира видит крепкого бойца за осуществление идей Ленина.

Это хорошо сознают наши враги, взявшие тебя под яростный обстрел своей лютой классовой ненависти и звериной злобы.

С каждым днем, с каждым часом нарастает твой голос, слышимый всем миром, против угрозы новых империалистических войн и интервенции, зовущий пролетариат всех стран на борьбу против наступления буржуазии и фашистской реакции.

Хорошо, радостно, Алексей Максимович, видеть, чувствовать тебя по-большевистски бодрым и молодым, борющимся в наших рядах.

«Правда» на своих страницах отмечала меня как «лучшего ударника-энтузиаста социалистического Донбасса». И вот мне, мастеру забоя, поручили наши старики-забойщики передать тебе шахтерское товарищеское поздравление.

Празднование 40-летия твоей творческой деятельности мы используем для нового трудового под'ема, для того, чтобы полнее, крепче вооружить опытом нашей — кадровиков — работы новые шахтерские кадры.

Лучшим участием в праздновании твоего юбилея будет наша практическая работа по повышению темпов угледобычи.

Вместе с тобой мы встречаем 15-летие Октября. Под руководством коммунистической партии и лучшего ученика Ленина т. Сталина рабочий класс Советского союза добился огромнейших успехов в социалистическом строительстве. Вместе со всей страной растет и крепнет наш социалистический Донбасс.

Наши достижения огромны. Но еще многое, очень многое нужно сделать. Никакие трудности нам не страшны, ибо нас ведет вперед боевой авангард — коммунистическая партия; с нами — пролетариат всего мира; с нами, в передовой шеренге бойцов за коммунизм, лучший ударник социалистической стройки — Максим Горький.

Другу донецких шахтеров — Максиму Горькому по поручению и от имени старых кадровиков-шахтеров Горловщины передаю большевистский горняцкий привет!

Забойщик **НИКИТА ИЗОТОВ.**

„ТЫ НЕ МАЛО СДЕЛАЛ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА...“

(Колхоз «Большевик», Ходжентский район, Таджикистан).

— Дорогой Алексей Максимович! Колхозники колхоза «Большевик», Ходжентского района, из далекого Таджикистана приветствуют тебя в день 40-летия твоей литературной и общественной деятельности.

Мы знаем, что в течение этих лет ты немало сделал для революции, для строительства социализма в нашей стране. Мы уверены, что еще очень много ты сумеешь сделать. Желаем тебе для этого наилучшего здоровья. Если позволит твое здоровье, приезжай к нам. **Приезжай посмотреть, как мы в бывшем феодальном Таджикистане строим свою новую жизнь, свою национальную культуру, строим социализм.**

Сообщаем тебе также, что в ознаменование твоего юбилея мы постановили сдать государству 20.000 пудов хлопка вместо 17.445 пудов по контрактации. Перевыполнение плана идет за счет развернутой борьбы за урожайность, за счет мобилизации всех колхозников на беспощадную борьбу с потерями.

От имени колхозников: председатель колхоза «Большевик» **Халим Камалов.** Член правления колхоза **Исабай Юнсов.**

СООБЩАЕМ О НАШИХ УСПЕХАХ.

(Колхозники Н. Мечебиловки, Луговского района, УССР).

— Мы, колхозники села Н.-Мечебиловки, Луговского района, на Украине, вместе со всем Советским союзом, вместе с мировым пролетариатом отмечаем твой славный 40-летний юбилей новыми победами в деле колхозного строительства.

Мы активно боролись за выполнение задания последнего года первой пятилетки и уже **выполнили 75 проц. годового плана хлебозаготовок.** Убрали посля пропашных культур и сейчас развертываем осенний сев. **В течение 5 дней план озимого сева нами выполнен на 70 проц.** Удобряя поля суперфосфатом и навозом, тщательно и доброкачественно обрабатывая почву, мы взяли на себя обязательство добиться в следующем году урожайности не менее 20 центн. пшеницы и 16 центн. ржи с каждого гектара.

СОРОК ЛЕТ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ.

(Колхоз им. Горького, ЦЧО).

Дорогой Алексей Максимович! В день юбилея 40-летия твоей литературной деятельности мы, колхозники артели твоего имени, шлем тебе привет.

Ты связал свою работу с задачами пролетариата, 40 лет твоего творчества — это 40 лет политического роста рабочего класса и 40 лет борьбы за социализм.

Мы отмечаем твою неустанную борьбу против капиталистических войн, против интервенции. Против тебя, как одного из лучших борцов, настроен весь капиталистический мир, особенно сейчас, в период бешеной подготовки новой империалистической войны.

Мы, колхозники, как и трудящиеся всего мира, оценили тебя как борца за дело рабочего класса и трудящегося крестьянства. Нося твое имя, НАШ КОЛХОЗ ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛ ПЛАН ХЛЕБОЗАГОТОВОК, БЕЗ ПОТЕРЬ УБРАЛ ВЕСЬ УРОЖАЙ, ПОЛНОСТЬЮ ПРОИЗВЕЛ ОСЕННИЙ СЕВ. В дальнейшем мы с честью будем носить имя великого писателя, борясь за удвоенный урожай.

Желаем тебе еще долгие годы бороться за построение социализма во всем мире!

СО ВСЕХ КОНЦОВ СОЮЗА.

Редакцией получены приветствия М. Горькому от следующих организаций и учреждений: Московского областного совета профсоюзов; редакции «СССР на стройке»; редакции журнала «Наши достижения»; Московского областного дома печати; президиума Всекомпромсовета; Пленума московск. обл. и гор. союза печатников; Всеукраинской академии наук; ЦК рабис; ЦС союза Осоавиахим СССР; ЦК союза печатников; правления моск. обл. союза советских художников; ЦК союза рабпрос; ударников пружинного цеха завода им. Сталина; президиума ЦС Общества изобретателей; ЦС Союза воинствующих безбожников СССР; об'единения научно-технических издательств Наркомтяжпрома; рабкоров-ударников ХЭМЗ; инженеров Турбогенераторного завода (Харьков); рабочих завода № 1 им. Авиахима; рабочих шелкокрутильной фабрики и мн. др.

БУРЕВЕСТНИК.

Гонорар за этот рисунок прошу внести в фонд постройки советского самолета им. Горького и призываю собратьев-художников к тому же.

ДЕНИ.

Юбилей Горького — праздник международного пролетариата.

Одного только об'явления о приезде Максима Горького в Париж было достаточно, чтобы вызвать на улицу 50 тысяч рабочих, пришедших приветствовать великого пролетарского писателя и борца против империалистической войны и выразить свою боевую солидарность со страной социализма.

Французское правительство не желало пустить Максима Горького в страну, но крик буревестника, повествующего о новых победоносных пролетарских революциях, с каждым днем все громче слышен в городе Парижской коммуны, как и в остальном мире.

Поэтому боевой юбилей Максима Горького является торжественным днем для международного пролетариата.

АНДРЭ МАРТИ.

Первому пролетарскому писателю мира.

Дорогой т. Горький! Международное об'единение революционных писателей (МОРП) от имени всех революционных писателей Запада и Востока приветствует вас к 40-летию вашей литературной деятельности.

Советские работники литературы и революционные писатели капиталистического мира и колониальных стран, разоряемых и угнетенных, чествуют в вашем лице первого пролетарского писателя страны, ставшей отечеством всех трудящихся, а стало быть и первого пролетарского писателя всего мира.

Еще наше старшее поколение помнит мощное влияние ваших первых произведений, сопутствовавших созреванию пролетариата в потемках царской России. Все мы знаем и любим вас, непоколебимого и страстного борца за социализм, строящийся героическими усилиями трудящихся.

Твердо держа курс на подлинную человечность коммунистического общества, метко и сильно отбивали вы издевательства, нападки и клевету наемных писак капитализма и его продажной прессы.

Ваши сорок лет в истории литературы неотрывны от последнего сорокалетия мировой истории.

Как много писателей до мировой войны считалось передовиками пролетарской борьбы. А сколько из них остановилось на полпути, сколько перебежало в лагерь врагов, но тем искреннее и прочнее любовь мировой армии пролетариата к немногим боевым товарищам, оставшимся верными до конца.

Сколько пролетариев и сколько крестьян осознало правоту коммунистического пути, читая ваши книги. Их количество неисчислимо.

Скольких людей вы сделали писателями, скольких писателей заставили испытать влияние вашего могучего таланта во всех уголках земного шара.

Вы не только сами подавали пример работы. Вы научили тому, что литература есть оружие в классовой борьбе. Вы расчистили дорогу пролетарским писателям всех стран.

Миллионы рабкоров черпают опыт и боевую уверенность в неутихающей публицистической работе великого рабкора Максима Горького.

Вы дали почин произведениям невиданного доселе размаха, как «История заводов» или «История гражданской войны», где коллективным автором являются тысячи и миллионы бойцов и строителей.

Идеалы, за которые вы сражались и сражаетесь, частью уже осуществлены, частью успешно осуществляются на одной шестой части земного шара. За это же дело бьются миллионы людей на Западе и Востоке.

От писателей этих борющихся масс, активных участников борьбы, великому соратнику привет, любовь, почет!

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Академия наук — Горькому.

Ваши отношения к академии — отношения близкие и давние, и если исполняется 40-летие вашей литературной деятельности, то ведь недавно, в текущем году, исполнилось тридцатилетие со времени «академического инцидента», когда академия избрала вас почетным академиком, а царское правительство отменило избрание, порвав этим связь между академией и вами.

Но нельзя было отменить ваше высокое и художественное творчество, ваши революционные заслуги, и художественное творчество, и революционная деятельность были уже огромны к тому 1902 году, когда состоялось и было отменено ваше избрание.

Вы требуете, чтобы ученые служили делу революции, делу социалистического строительства, шли единым фронтом с пролетариатом.

Со всей убежденностью советские ученые и Всесоюзная академия наук приветствуют этот ваш призыв и отдают свои силы на его осуществление.

Вы убеждены и других убеждаете, что освобождение трудящихся из-под гнета капитала развяжет их силы и выдвинет из их среды огромные кадры новых научных деятелей.

Всесоюзная академия наук всецело разделяет это ваше убеждение, и она была бы счастлива, если бы вы, знакомясь с ее работой по подготовке высококвалифицированных научных работников, признали, что в этой работе посильно осуществляется лозунг выдвижения в науку пролетарских кадров.

Миллионы знают своего Горького.

Всесоюзная ассоциация работников науки и техники — активных участников социалистического строительства (ВАРНИТСО) в день юбилея 40-летия литературного творчества шлет вам, неутомимому энтузиасту сопстроительства, творцу пролетарской литературы, свой горячий товарищеский привет.

Путь вашей жизни и литературного творчества неразделимо связан с революционным движением и борьбой рабочего класса. Ваши произведения глубоко вскрыли и вековой гнет царизма, и нарастание стихийного протеста, и развитие организованной революционной классовой борьбы.

Ценя науку, твердо зная, какая роль принадлежит ей в деле ликвидации пережитков капитализма, вы с первых дней революции были инициатором той организации, которая взяла на себя заботу о работниках умственного труда в исключительно тяжелый момент разрухи и нищеты.

Можно с уверенностью сказать, что в мировой истории последних лет не было и нет ни одного выдающегося факта капиталистического насилия, на которое вы не откликнулись бы своим гневным, разящим и вместе с тем организующим пролетарскую волю к победе словом.

И мы, работники науки и техники, связавшие себя неразрывно с рабочим классом и его исторической борьбой, вместе с пламенным приветом шлем горячие пожелания дальнейшей работой еще более закрепить связи ваши с мировым пролетариатом и его неизбежной победой.

ЦБ ВАРНИТСО.

Инициатору „Истории гражданской войны“.

Дорогой Алексей Максимович! Ваша инициатива в создании истории героической вооруженной борьбы рабочих и трудящихся крестьян за право самим и по-своему строить жизнь — одно из славных дел, составляющих великое содержание вашей сорокалетней литературно-общественной деятельности.

Ваш призыв подхвачен широкими массами трудящихся Советского союза. Начатое вами дело стало их делом. В этом залог того, что вместе с вами оно будет завершено и послужит увеличению сил и окончательной победе строителей социализма.

СЕКРЕТАРИАТ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

Максим Горький.

(Краткая биография).

Детство и юность Горького пали на 70—80 годы, время глухой реакции, когда феодально-полицейская романовская монархия, спаянная с капитализмом отсталого, «азиатского» типа, создавала двойной гнет над массой крестьян и рабочих.

Горький рос в доме своего деда, владельца маленького красильного заведения в Н.-Новгороде. Каширин «выбился в люди» из бурлаков, но позже потерпел неудачу и разорился вконец.

С 10 лет Горького тоже посылают выбиваться «в люди». Сперва он служит мальчиком при магазине обуви, потом учеником у чертежника, где он заменял *и дворника, и няню, и горничную.*

Но и в этих условиях Горький пробил себе дорогу к книге, и возникшая у него страсть к чтению принесла ему и небывалое наслаждение и много тяжких обид. В доме мещан чтение преследовалось, как вредное занятие.

Потом Горький служит на пароходе поваренком, продавцом в иконной лавке, учеником в иконописной мастерской, десятником у подрядчика, статистом в ярмарочном театре.

Он решил покинуть Нижний и ехать в Казань, тайно надеясь пробить себе дорогу к учению. Он мечтал о казанском университете.

По приезде в Казань выяснилось, что об университете нечего и думать. Снова начались отчаянные поиски средств к существованию. Горький работает на пристанях пильщиком и грузчиком и живет с «босяками», людьми, которые заинтересовали его своим враждебным отношением к мещанскому, купеческому быту и беззаботным отношением к собственному благополучию.

В Казани же он столкнулся и с новой для него средой — с радикально настроенной казанской молодежью, главным образом студентами. Горький присутствует на их шумных сборищах и плохо понимает *их споры;* но он понимал одно: есть люди, которые готовятся изменить жизнь к лучшему.

Изменить жизнь к лучшему — к этому Горький хотел приступить немедленно. Попав на работу в крендельную мастерскую, с чудовищными условиями труда, он пытался воспользоваться возмущением рабочих и организовать нечто вроде забастовки.

Уйдя из булочной, Горький снова скитается, переходя с места на место, опять работает грузчиком, служит садовником и дворником, поступает в хористы к антрепренеру. Оторванность от людей, одиночество, запутанность жизни доводят юношу Горького до попытки самоубийства. К счастью, выстрел в грудь оказался не смертельным, и Горький выздоровел «на долгую упорную жизнь». Он едет рыбачить на Каспий, служит ночным сторожем и весовщиком на железной дороге.

В 1891 и 1892 гг. он обошел Поволжье, Дон, Украину, Бессарабию, Крым и Кавказ, получив огромный запас впечатлений и неистощимый материал для своих будущих рассказов.

Обосновавшись в Тифлисе и поступив на работу в ж.-д. мастерские, Горький дружески сходится с близким ему кругом рабочей молодежи и вместе с несколькими товарищами организует пропагандистский кружок, который посещают рабочие-железнодорожники.

В Тифлисе же Горький написал свой первый рассказ «Макар Чудра».

Вернувшись в Нижний и работая у адвоката, Горький помещает в местных *газетах ряд рассказов. На один из рассказов обратил внимание писатель Короленко, живший в это время в Нижнем.* Он стал внимательным руководителем *молодого писателя на первых шагах его* деятельности. Он же напечатал в журнале «Русское богатство» первый большой рассказ Горького «Челкаш», и с этого *времени Горький становится известен* в широких читательских кругах.

Вслед за первыми романтическими вещами — «Макар Чудра», легендой о людях, которые предпочли смерть рабству, «Песнью о соколе», прославляющей «безумство храбрых», «Старухой Изергиль» последовали и реалистические рассказы: «Бывшие люди», «Скуки ради», «Кирилка» и др., в которых едко анализируется классовое общество с его эксплоататорской сущностью, общество, в котором главенствует алчный купец и рабопепствует покорный ему мещанин. А рассказы «Варенька Олесова», «Озорники», «О черте», «Еще о черте» сатирически били по либеральной интеллигенции, раздвоенной в своих стремлениях, бессильной и беспомощной. Все эти рассказы сыграли большую роль в истории революционного под'ема 90-х гг., помогая революционным элементам общества яснее разглядеть классового *врага* и призывая к борьбе за изменение жизни.

Широкая популярность Горького в среде рабочих и революционной молодежи побуждала царское правительство искать способов «обезвредить» его. В 1901 г. Горького арестовали и выслали в уездный городок Арзамас для того, чтобы удалить от фабрично-заводских центров. Это не прекратило, конечно, связи Горького с партийными организациями, и в 1902 г., по возвращении из ссылки, он организованно связывается с революционной социал-демократией, с ее руководимой Вл. Ил. Лениным газетой «Искра». Через год эта часть социал-демократии образовала партию большевиков, и Горький тесно входит в круг ее работы. В бурные дни 1905 года Горький является одним из организаторов газеты «Новая жизнь», которая становится первым легальным органом большевиков и фактически редактируется В. И. Лениным.

Горький принимает участие и в организации московского декабрьского восстания, помогая вооружению революции *и развертыванию боевых действий.* В начале 1906 г. партия поручает ему поездку в Америку для сбора денег в помощь революции. За время этой агитационной поездки Горький написал «Мать» — одно из крупнейших своих произведений. Известно, как оценил Ленин появление «Матери» и какое значение имела эта повесть для русского и западного пролетариата. На Западе она распространялась приложением к рабочим газетам в миллионах экземпляров. Более неудачливым был русский рабочий-читатель. Царское правительство по-своему оценило «Мать». Оно конфисковало первый сборник, в котором появилось начало повести, вырезало из других огромные куски и не допустило отдельного издания вовсе, так что в целом виде «Мать» появилась в России только после революции 1917 г. Наступление реакции было и по другим произведениям Горького. Ряд рассказов его вообще не мог появиться в России: «9 января», «Патруль», «Из повести», «Русский царь». Пьеса «Враги» была напечатана, но «безусловно запрещена к представлению на сцене». По той же причине не могла появиться на сцене и пьеса «Последние», а из большой повести «Жизнь ненужного человека», изображавшей деятельность органов охраны, допущено было к печати только начало. С наступлением реакции Горький переходит на положение политического эмигранта и, поселившись в Италии, продолжает работу над новыми произведениями.

В 1909—10 гг. были изданы «Городок Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина», изумительные повести о мещанском быте. С тех пор окуровщина становится нарицательным обозначением этой тупой, косной силы, которая сковывала старую Россию. Как бы в противовес этому Горький пишет жизнерадостные сказки об Италии, о пролетарской солидарности, о пафосе труда.

Когда после ослабления реакции большевикам удалось поставить снова легальную газету «Звезда», Горький поместил в ней несколько сказок, и Ленин пишет ему в 12 году: «Великолепные сказки, которыми вы очень помогали «Звезде», и это меня радовало чрезвычайно»...

С 1913 г. Горький редактирует литературный отдел большевистского журнала «Просвещение» и в этом же году начинает свою автобиографическую трилогию: «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

«Дело Артамоновых», появившееся уже после революции, написано уже на сюжет другого порядка. Это — история капиталистического рода Артамоновых, дело которых разрушается по мере развития и роста рабочего класса. Этот процесс вплоть до революции, которая начисто смела дело Артамоновых, дело капитализма, показан Горьким с удивительно точным социальным анализом. На последние годы падает еще незаконченная работа над повестью «Жизнь Клима Самгина». Это итог интеллектуальной и социальной жизни России последних десятилетий. Это полемическая вещь большой сатирической остроты.

За годы советской власти Горький напечатал огромное количество статей, в которых выступает в защиту первого в мире пролетарского государства, разоблачает его клеветников, пропагандирует громадные достижения советской власти.

руководил Горьким в таком изображении революционной работы партии.

Роман «Мать» был написан уже на исходе революции 1905 г. Твердая, непоколебимая уверенность Горького в обеспеченности победы революции, его благоговейное отношение к партии и партийной работе явились как раз во-время. Началась реакция с ее отравляющими удушливыми газами уныния, предательством, ликвидаторством. «Мать» творила партийное дело, готовя к новой борьбе, воспитывая в духе святой верности нелегальной партии.

Вполне понятно после всего этого сближение и дружба Ленина и Горького. Ленин очень высоко оценивал художественное творчество Горького. «Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира», — писал Ленин, опровергая в 1909 г. слух, распускавшийся буржуазной печатью об исключении Горького из социал-демократической партии. «Нет сомнения, — повторял Ленин свою оценку в 1917 г., — что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению».

Воспоминания Горького о Ленине ярко рисуют нам теплое, участливое отношение Ленина к Горькому, его дружескую помощь и поддержку, оказываемые им постоянно Горькому и его творчеству, такому важному для дела пролетарской революции. Особенно рельефно вырисовывается отношение Ленина к Горькому на фоне вежливого, но холодного, формального реагирования Плеханова на знакомство с Горьким: «Когда меня «подводили» к Г. В. Плеханову, — рассказывает Горький, — *он стоял, скрестив руки* на груди, и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика. Он сказал мне весьма обычную фразу: «Я — поклонник вашего таланта». Кроме этого, он не сказал ничего, что моя память удержала бы. И на протяжении всего с'езда ни у него ни у меня не явилось желания поговорить «по душам». А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать», — оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но не успел об'яснить, почему торопился. Ленин утвердительно кивнул головой, *сам об'яснил его: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя».*

Горький делал дело пролетарской революции не только как художник. Он оказывал партии много ценных услуг, сотрудничал в ее изданиях, помогал ставить ее журналы, помогал ей в ее нелегальных связях и т. д.

Есть любопытная черта в некоторых взглядах Максима Горького, которая сближает его с другим великим человеком, которым справедливо гордятся народы СССР, — с Николаем Гавриловичем Чернышевским. Горький, вложивший в уста одного из своих персонажей афоризм: «Человек — это звучит гордо», слишком много насмотревшийся, как в зверином, диком быту старой России человеческая личность попирается, как искажается в ней здоровая природа человека, много ратовал в защиту подавленной и угнетенной человеческой личности, постоянно повышал свой голос за создание нормальных, разумных и справедливых условий для существования человека. Эта черта нашла свое выражение, например, в стихотворении или в поэме, в прозе Горького «Человек». Далее, Чернышевский придавал преувеличенное (вернее сказать о Чернышевском — идеалистическое) значение элементу знания в истории человеческого развития. В «Письмах без адреса» Чернышевский, этот великий революционер, безоговорочно вставший на путь подготовки низовой народной антикрепостнической революции, выдает некоторое свое опасение о возможном ущербе, который мог бы быть нанесен невежественными, не освободившимися еще от диких предрассудков крестьянскими массами интересам просвещения, наукам, поэзии, искусствам, интеллигенции. И Горького, в иной форме, иногда тревожила проблема разобщения высококвалифицированной интеллигенции «Детей солнца» (как именует *ся одна его пьеса*) и недостаточно еще культурных низов. И ему иногда казалось, что интерес знания, культуры может пострадать от неосторожной ярости в процессе понятного и необходимого возмущения масс.

Вот за эти-то черты, имевшие место в мировоззрении Горького, пытались уцепиться российские махисты, отзовисты, а иногда и просто злопыхатели революции, для того, чтобы попытаться использовать огромный авторитет великого художника пролетариата в свою пользу. Однако правдивость громадного таланта художника, чуткость публициста, отдавшего свои силы одной цели — торжеству пролетарского социализма, неизменно одерживали победу над всеми препятствиями. Эти победоносные боренья Горького проливают ярчайший свет на историческую фазу, которую переживает сейчас человечество, и на роль в ней Максима Горького. Сколько раз лучшие светочи человечества, разум, совесть и надежда трудящихся, поднимали в прошлом знамя восстания во имя строя, в котором не будет эксплоатации человека человеком. Но пока рабочий класс не сложился, не вырос, не взял на свои плечи задачу создания нового, социалистического строя, до тех пор их усилия, даже двигая вперед историю, не открывали окончательного выхода на радостные пути грядущего. Они отбрасывались назад, они терпели неудачи. Даже великий Чернышевский, действовавший в те времена, когда на Западе Маркс уже развернул знамя научного социализма, не мог понять, что только классовая борьба пролетариата принесет торжество его идеалам. Даже Щедрин, всеми фибрами своей души ненавидевший либералов, людей полумер, болтунов, лицемеров, вертевшихся вокруг тяжкой борьбы за создание новых, социалистических форм жизни, вдруг закончил жизненный путь отвратительного лицемера-крепостника — Иудушки Головлева пробуждением в нем голоса совести. *Такие заблуждения и блуждания* были неизбежны даже для лучших из лучших, пока рабочий класс не начал свою борьбу за низвержение классового общества. У Горького, в этих рассматриваемых нами чертах, встречавшихся в прошлом в его мировоззрении, сказываются *в рудиментарной, в остаточной* форме отражения тех трудностей, с которыми не умели справляться лучшие умы человечества до выступления пролетариата как самой могучей силы низвержения эксплоататоров и освобождения угнетенных. Горький начал свою деятельность уже тогда, когда *гегемоном революционной* борьбы стал пролетариат, он понял и усвоил его учение, он стал в ряды его борцов, он присоединил свой светильник к тому ярчайшему столбу света, которым рабочий класс освещает свою собственную дорогу и дорогу всем другим трудящимся всех цветов кожи, всех стран к коммунизму. Вот поэтому-то деятельность Горького и свидетельствует о том, как близко человечество подошло, наконец, к своему освобождению, вот поэтому-то он является великим пролетарским писателем, вот поэтому-то Ленин писал: «А. Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать... В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный плюс, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму» (писано в 1910 году).

Горький — великий пролетарский писатель, активно участвующий в классовой борьбе пролетариата против буржуазии и как публицист и как художник. Всякие иные определения характера его художественной деятельности, откуда бы они ни исходили, от врагов или от горе-друзей, выдают обычно лишь фракционную узость или доктринерство самих определяющих. «М. Горький сам крайне плохо переварил ту истину, — писал Плеханов, — которую несет миру пролетариат. Этим об'ясняются многие его литературные промахи... Если бы он хорошо переварил эту истину, то те герои, которым он поручает *вещать ее, не говорили бы* двусмысленного вздора при каждом удобном и неудобном случае». Несправедливый, неверный этот приговор продиктован, с одной стороны, доктринерско-гелертерским применением марксизма при исследовании художественного творчества, а с другой — теми же самыми мотивами, по которым Плеханов относил Ленина не к марксистам, а к бакунистам. Меньшевику Плеханову претили большевистские симпатии Горького. Враждебность к большевизму, непонимание большевизма приводили к враждебной оценке художественного творчества Горького. Иначе и не могло быть, ибо, как справедливо указывает *Горький, связан он был* как художник и как политик именно с большевиками: «Подлинную революционность я почувствовал, — пишет он, — именно в «большевиках», в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним. К ним я и *«прилепился»* еще в 1903 г.

Правда, когда появились такие шедевры Горького, как «Городок Окуров», *«Детство» и т. д., то меньшевизм* пытался их использовать в свою пользу. Рафаил Григорьев в своей книжке о Горьком пытался уверить, что публицистический смысл горьковских художественных хроник направлен против политического утопизма справа и слева, т.-е. против большевизма: «Не забывайте, что «Москва» — только бобровая шапка на голове полуодетого нищего, — сказано в книжке Григорьева, — что за тонким слоем этой «Москвы» лежит тяжелой, нетронутой, способной все раздавить глыбой окуровщина... Таково об'ективное значение произведения независимо от того, вкладывал ли сознательно автор в него именно подобный смысл...»

«Городок Окуров», «Детство», «В людях» и другие мастерские, вполне реалистические повествования Горького в самом деле имеют публицистический смысл, подсказанный всей логикой художественной ткани этих вещей, но публицистическая логика этих вещей свидетельствует о правоте большевизма, а не наоборот. Реализм Горького в этих вещах — подлинный социалистический, революционный перспективный реализм. Он не только говорит жуткую правду об окуровской России, но и зовет к борьбе с окуровщиной, каждой строкой своей зовет к борьбе за иную, лучшую, социалистическую жизнь. По *следовательности этого призыва* произведения эти направлены против тех, кого Горький метко назвал социал-иезуитами, своим соглашательством, своим пресмыкательством перед господствующими классами увековечивавшими в России «окуровщину», увековечивающими капитализм во всем мире.

Горький умеет не только любить, он умеет также неистово ненавидеть. Лютою ненавистью к мрачной действительности старой России продиктованы эти совершенные художественные творения Горького. «Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, — писал Горький в «Детстве», — я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью отвечаю себе: стоит, ибо это — живу*чая, подлая правда, она не издохла и* по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжкой и позорной.

И есть другая, более положительная причина, понуждающая меня рисовать эти мерзости. Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ, — русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолеет их.

Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодовит и жирен пласт всякой скотской жизни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

«Доброе — человечье» в России прорастало через революционную борьбу рабочего класса, которой помогал, в которой принимал участие своим громад*ным талантом* Горький.

Мало таких книг в русской литературе, которые, подобно автобиографическим *повестям Горького, были бы* так исполнены ненавистью к волчьей жизни собственнического мира и были бы так исполнены действенной силой борьбы за новый, антисобственнический, социалистический мир, той ненавистью, которая впоследствии продиктовала Горькому *лозунг: «Если враг не сдается — его уничтожают».*

Сорокалетний литературный юбилей Горького застает его в первых рядах на великой социалистической стройке нашей страны. Его огромная, еще не законченная эпопея «Жизнь Клима Самгина» — обвинительный акт против всей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, не сумевшей преодолеть своего корыстного классового эгоизма, оставшейся в рядах эксплоататоров и организаторов войны. Самгин — последыш одного из излюбленных «красавцев» (выражение Горького) мировой и русской литературы, «Молодого человека XIX столетия», «у которого более или менее уродливо разрослось — гипертрофировалось его «я» и который, не находя себе удобного места в условиях мещанской жизни, не находил в себе ни сил, ни желания попытаться изменить эти условия».

«Клим Самгин — центральная фигура эпопеи — выведен в чертах таких законченных, так художественно оформленно, с такой исчерпывающей полнотой, что имя его могло бы стать таким же нарицательным, как имя Обломова. Не произойдет этого лишь потому, что мы живем в новом мире по сравнению с тем, который изображен в трех томах «Сорока лет». Самгины убиты историей. Февральская революция, если бы она разыгралась по рецепту меньшевиков и эсеров, *дала бы* им торжество. Но за Февралем пришел Октябрь, и почва, на которой вырастали Самгины, была перепахана заново и засеяна другими семенами. Самгины остались еще, конечно. Они немало напакостили и после Октября, напакостят еще и сейчас, *но они не определяют* ни сути, ни даже поверхности нашей действительности. Только поэтому слово «самгинщина» не получит такого значения и распространения, как слово «обломовщина».

Да, Самгин не находил себе удобного места в российской мещанской жизни, особенно потому, что российская мещанская жизнь была еще погружена в атмосферу *самодержавно-полицейско-крепостнического* свинства. Он задумывается над вопросом о переустройстве быта, в котором он живет, он ищет путей из него в какую-то лучшую жизнь. Но Самгин слишком связан с породившим его бытом и слишком мелочно-эгоистичен, чтобы он смог выработать себе настоящие, передовые убеждения. Для него убеждения — только система фраз, которыми люди прикрывают свои корыстные, низменные побуждения. Да он и не очень знающ, не очень образован, этот адвокат Самгин. Он чует, что судьба отвела ему срок жизни в эпоху каких-то коренных исторических ломок. Но заботится он только о том, чтобы найти себе среди потрясений эпохи спокойное и удобное пристанище, прилично разукрашенное безвредными цветами, приличествующей его положению и его среде идеологии. Он любит только себя, он трусоват, он способен и на подлость: выдать товарища, почти *проговориться на вопросе* у жандарма; он любит спокойствие и комфорт: его женитьба, семейная жизнь и уход от жены так благонамеренны и ординарно-пошлы, он все упрощает, со всего великого и значительного он стремится сорвать ореол, уподобить его себе. Но в то же время Самгин умеет придать себе вид человека глубокомысленного и значительного; его принимают чуть ли не за беспартийного социал-демократа-большевика.

Но ни о чем другом Самгин так не мечтает в глубине души, как о том, чтобы все необходимые изменения проходили мирно, эволюционно, без потрясений, сохранив ему безопасность, покой и состояние. Ему хочется проскользнуть мимо «да» и «нет» в революции, хочется не быть ни по одну сторону баррикады. Озорные люди, выходившие за установленные рамки, революционное кипение с его томительным ожиданием катастроф настолько нестерпимы Климу, что он не прочь помечтать о твердой власти хотя бы самого Николая II, лишь было бы обеспечено от беспокойных передряг его узенькое, маленькое «я», и только уж лютое бессмыслие самодержавия, не желавшего ни на волос уступить хотя бы в видимости духу времени, толкает его влево. Да как было не податься влево, когда безобидного Клима арестовывают, когда его, зрителя, чуть не убили 9 января и т. д. А затем весь *я все тянуло влево, как же ему, «передовому»,* было отстать? Вот Клим и оказался чуть ли не сочувствующим баррикадным боям в Москве во время вооруженного восстания в 1905 г.

Но «левизну» свою Самгин переносил как иго, как тяжкую принудительную повинность. Эволюция ему хотелось, а не революции, безопасности, а не пушечной пальбы. Ни масс, ни рабочих, *ни крестьян он не знал.* Втайне он их побаивался и недолюбливал и злорадствовал, когда находил предлог для их охаиванья.

Самгины были раньше всегда возвеличиваемы художественной литературой. Она всегда будила к Самгиным *то сочувствие, то зависть,* в зависимости от характера и положения того или иного из этих «красавцев». Горький художественно низложил Самгиных, он вскрыл все их ничтожество, всю их пустоту, их чуждость массам и их бессилие перед массами. Иначе *осветив «красавца»,* которому раньше поклонялась русская и мировая литература, Горький совершает огромное воспитательное дело.

Однако Горький не ограничивается словом художника в своей борьбе с силами старого мира за новые, коммунистические условия существования. Он обнажил свое старое оружие пролетарского публициста. Публицистическое *слово Горького звучит громким призы*вом к борьбе и бодрой уверенностью в победе. Он будит совесть среди лучших представителей мировой интеллигенции, которая под ударами кризиса начинает понимать, где, на какой стороне правда и кому принадлежит будущее.

С неутомимым терпением он умеет ободрять многочисленных своих корреспондентов, показать с новой, неожиданной стороны побеждающую силу нового и отвратительную картину распада капиталистической культуры. В многочисленных своих статьях он вскрывает коренную враждебность буржуазии культуре и развертывает победное шествие культурной революции в Стране советов.

Сейчас, когда каста безответственных хищников лихорадочно готовит новую бойню, так своевременно, так нужно звучит голос Горького, который, преодолевая границы и запреты буржуазных правительств, зовет к войне против империалистической войны, к последнему и решительному бою за торжество принципов пролетарского социализма.

Во время империалистической войны Горький занимал пораженческую и интернационалистическую позицию. Сейчас Горький с новой силой, с юношеским воодушевлением выступил против растущей военной опасности. Голландское правительство не пустило Горького на антивоенный конгресс, но слово Горького — сила. Он умеет преодолевать препятствия. Не заглушила его голоса царская цензура; не заглушить его и усилиями капиталистических прислужников. Призыв Горького достигнет слуха всех тех, кто ненавидит войну, укрепит сознательных врагов *тех порядков, которые порождают войны,* ободрит и направит колеблющихся, разбудит голос совести у многих таких, у кого она до времени дремала.

Свою непроизнесенную речь на антивоенном конгрессе Горький заканчивает призывом к пролетариату и интеллигенции «приложить все усилия, всю свою мощь для организации последнего и решительного боя против классового врага, разрушающего культуру, созданную вековыми усилиями работников физического и умственного труда». Но если классовый враг все же *еще раз* успеет спустить с цепи дикого зверя войны, то Горький подаст пример единственно правильного революционного действия. «И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — заявил Горький, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что знаю — именно он победит, — а потому, что великое справедливое дело рабочего класса Союза советов — это мое законное дело, мой долг». (Ст. «Циничное бесчеловечье», 1929 г.).

Сорок лет стоит Максим Горький на боевых позициях борьбы за социализм, на посту мастера культурной революции пролетариата. Рабочий класс Страны советов и всего мира, все трудящиеся, видящие в пролетариате своего вождя, с любовью и уважением приветствуя великого пролетарского художника, шлют ему пожелания долгих дней и плодотворной работы.

Пусть сильнее грянет буря!

Отрывки из художественных произведений Максима Горького.

ПЕСНЬ О БУРЕВЕСТНИКЕ.

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждаться битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн об'ятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,—гордый, черный демон бури, — и смеется и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневом моря; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

(1902 г.).

Пролетарская солидарность.

В Генуе, на маленькой площади перед вокзалом, собралась густая толпа народа—преобладают рабочие.

...Свистит, подбегая к станции, локомотив. Толпа дрогнула, точно черные птицы, взлетело над головами несколько измятых шляп, музыканты берут трубы, какие-то серьезные, пожилые люди, охорашиваясь, выступают вперед, обращаются лицом к толпе и говорят что-то, размахивая руками вправо и влево.

Тяжело и не торопясь толпа расступилась, очистив широкий проход в улицу.

— Кого встречают?

— Детей из Пармы!

Там забастовка, в Парме. Хозяева не уступают, рабочим стало трудно, и вот они, собрав своих детей, уже начавших хворать от голода, отправили их товарищам в Генуе.

Из-за колонн вокзала идет стройная процессия маленьких людей, они полуодеты и кажутся мохнатыми в своих лохмотьях, мохнатыми, точно какие-то странные зверьки. Идут, держась за руки, по пяти в ряд, очень маленькие, пыльные, видимо, усталые. Их лица серьезны, но глаза блестят живо и ясно, а когда музыка играет встречу им — гимн Гарибальди, по этим худеньким, острым и голодным личикам пробегает веселою рябью улыбка удовольствия.

Толпа приветствует людей будущего оглушительным криком, перед ними склоняются знамена, ревет медь труб, оглушая и ослепляя детей. Они несколько ошеломлены этим приемом, на секунду подаются назад и вдруг как-то сразу вытянулись, выросли, сгрудились в одно тело и сотнями голосов, но звуком одной груди, крикнули:

— Viva Italia!

— Да здравствует молодая Парма!—гремит толпа, опрокидываясь на них.

— Evviva Garibaldi! — кричат дети, серым клином врезаясь в толпу и исчезая в ней.

В окнах отелей, на крышах домов белыми птицами трепещут платки, оттуда сыплется на головы людей дождь цветов и веселые, громкие крики.

Все стало праздничным, все ожило, и серый мрамор расцвел какими-то яркими пятнами.

Качаются знамена, летят шляпы и цветы, над головами взрослых людей выросли маленькие детские головки, мелькают крошечные темные лапы, ловя цветы и приветствуя, и все гремит в воздухе непрерывный мощный крик:

— Viva le Socialismo!

— Evviva Italia!

Почти все дети расхватаны по рукам, они сидят на плечах взрослых, прижаты к широким грудям каких-то суровых усатых людей; музыка едва слышна в шуме, смехе и криках.

В толпе ныряют женщины, разбирая оставшихся приезжих, и кричат друг другу:

— Вы берете двоих, Аннита?

— Да. Вы тоже?

— И для безногой Маргариты одного...

Всюду веселое возбуждение, праздничные лица, влажные добрые глаза, и уже кое-где дети забастовщиков жуют хлеб.

— В наше время об этом не думали,—говорит старик с птичьим носом и черной сигарой в зубах.

— А так просто...

— Да! Это просто и умно.

Старик вынул сигару изо рта, посмотрел на ее конец и, вздохнув, стряхнул пепел. А потом, увидав около себя двух ребят из Пармы, видимо, братьев, сделал грозное лицо, ощетинился, — они смотрели на него серьезно,—нахлобучил шляпу на глаза, развел руки; дети, прижавшись друг к другу, нахмурились; отступая, старик вдруг присел на корточки и громко, очень похоже, пропел петухом. Дети захохотали, топая голыми пятками по камням, а он встал, поправил шляпу и, решив, что сделал все, что надо, покачиваясь на неверных ногах, отошел прочь.

Горбатая и седая женщина с лицом бабы-яги и жесткими серыми волосами на костлявом подбородке стоит у подножия статуи Колумба и плачет, отирая красные глаза концом выцветшей шали. Темная и уродливая, она так странно одинока среди возбужденной толпы людей...

Приплясывая идет черноволосая генуэзка, ведя за руку человека лет семи от роду, в деревянных башмаках и серой шляпе до плеч. Он встряхивает головенкой, чтобы сбросить шляпу на затылок, а она все падает ему на лицо, женщина срывает ее с маленькой головы и, высоко взмахнув ею, что-то поет и смеется, мальчуган смотрит на нее, закинув голову—весь улыбка, потом подпрыгивает, желая достать шляпу, и оба они исчезают.

Высокий человек в кожаном переднике, с голыми огромными руками, держит на плече девочку лет шести, серенькую, точно мышь, и говорит женщине, идущей рядом с ним, ведя за руку мальчугана, рыжего, как огонь:

— Понимаешь, если это привьется... Нас трудно будет одолеть, а?

И густо, громко, торжествующе хохочет и, подбрасывая свою маленькую ношу в синий воздух, кричит:

— Evviva Parma-a!

Люди уходят, уводя и унося с собою детей, на площади остаются смятые цветы, бумажки от конфет, веселая группа факино и над ними благородная фигура человека, открывшего Новый свет. А из улиц, точно из огромных труб, красиво льются веселые крики людей, идущих навстречу новой жизни.

(*«Сказки об Италии»*. 1911 г.).

Незримая нить.

...Женщина, толкая меня ногой, лукаво подзадоривает старика, а он, надуваясь павлином, распускает пышный хвост своей речи. Шалости супруги его мешают мне слушать, и я снова не замечаю, когда изменился его голос, стал тише, внушительнее.

— Незримая нить — понимаешь?—спрашивает он меня и смотрит в лицо мое округленными глазами, точно испугавшись чего-то.

— Прими государь императора . за паука...

— Ой, что ты! — воскликнула женщина.

— Тебе — молчать! Дура,—это говорится для ясности, а не в поношение. кобыла. Убирай самовар...

Сдвинув брови, прищурив глаза, он продолжает внушительно:

— Незримая нить — как бы паутинка, исходит из сердца его императорского величества государь императора Александра третьего и прочая,—проходит она сквозь господ министров, сквозь его высокопревосходительство губернатора и все чины вплоть до меня и даже до последнего солдата. Этой нитью все связано, все оплетено, незримой крепостью ее и держится на веки вечные государево царство. А полячишки, жиды и русские подкуплены хитрой английской королевой, стараются эту нить порвать где можно, будто бы они — за народ!

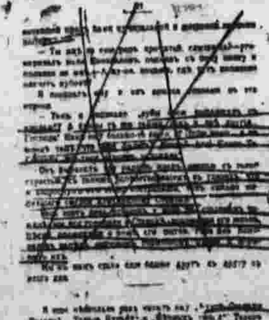
Грозным шопотом он спрашивает, наклоняясь ко мне через стол:

— Понял? То-то. Я тебе почему говорю? Пекарь твой хвалит тебя, ты, дескать, парень умный, честный и живешь один. А к вам, в булочную, студенты шляются, сидят у Деренковой по ночам. Ежели один, понятно. Но когда много? А? Я против студентов не говорю,—сегодня он студент, а завтра товарищ прокурор. Студенты — хороший народ, только они торопятся роли играть, а враги царя подзуживают их! Понимаешь? И еще скажу...

...Не желая обижать учителей моих, я скажу все-таки, что булочник решительнее и нагляднее, чем они, об'яснил мне устройство государственного механизма. Где-то сидит паук и от него исходит, скрепляя, опутывая всю жизнь, «незримая нить». Я скоро научился всюду ощущать крепкие петельки этой нити...

(*«Мои университеты»*. 1928 г.).

Образец цензурной расправы с произведениями М. Горького. Страницы из повести «Коновалов».

ПРАВДА НЕНАВИСТИ.

...Правильно круглый череп покрыт темным бархатом густых, коротко остриженных волос. Смуглое лицо хорошо освещено большими глазами, белки—синеваты, зрачки—цвета спелой вишни; взгляд этих глаз сначала показался мне угрюм, недоверчив. Лицо его нельзя было назвать красивым; черты слишком крупны и резки, но, увидев такое лицо однажды, не забываешь никогда. На бритых щеках зловеще горел матовый румянец туберкулеза.

Вилонов был рабочий, большевик; несколько раз сидел в тюрьме; после 1906 года тюремщики, где-то на Урале, избили его и, бросив в карцер, облили нагого, израненного круто посоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном, холодном асфальте; этим и было разрушено его могучее здоровье.

...Вилонов на первых же выступлениях своих по организации преподавания в Каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе. Говорил он глуховатым голосом человека с больными легкими, иногда вскрикивая несколько истерически, но я заметил, что он кричит книжные слова лишь тогда, когда у него нехватает своих.

Меня, привыкшего слышать личные выпады и едкие колкости первозных людей, Вилонов очень радостно удивил сочетанием в нем пламенной страстности с совершенным беззлобием.

— Ну, а чего же злиться? — спросил он меня в ответ на мое замечание.— Это уж пусть либералы злятся, меньшевики, журналисты и вообще разные торговцы старой рухлядью.

Помолчал и довольно сурово прибавил:

— Революционный пролетариат должен жить не злостью, а ненавистью.

Затем, хлопая ладонью по колену своему, сказал с явным недоумением:

— Тут у вас какая-то чортова путаница: идея воспитания профессиональных революционеров — идея Ленина, а его нет здесь! Против этой идеи могут спорить только шляпы и сапоги, а ведь тут...

Не договорив, он ушел.

Разговориться с ним трудно мне было, первые дни он не очень ладил со мной, смотрел на меня недоверчиво, как на некое пятно неопределенных очертаний. Но как-то само собою случилось, что однажды, кончив занятие в школе, он остался обедать у меня, а после обеда, сидя на террасе, заговорил с добродушной суровостью:

— Пишете вы не плохо, читать вас я люблю, а не совсем понимаю. Зачем это возитесь вы с каким-то человеком, пишете его с большой буквы даже? Я эту штуку «Человек» в тюрьме читал, досадно было. Человек с большой буквы, а тут—тюрьма, жандармы, партийная склока. Человека-то нет еще. Да и быть не может—разве вы не видите?

Когда я сказал ему, что для меня вот он, Вилонов, уже Человек с большой буквы, он, нахмурясь, отмахнулся рукой и протянул:

— Ну-у, что там? Таких, как я—сотни, мы—чернорабочий народ в революции, у нас еще не все... в порядке. А отдельные фигуры, вроде Ленина, Бебеля,—не опора для вашего оптимизма. Нет, не опора.

Он отрицательно покачал бархатной головой, закрыл глаза и потише, отрывисто произнес:

— Мастеров, практиков, художников революции, как Ленин, Бебель, да еще двое, трое... и — все тут! А человека нет еще. Нельзя быть человеком. И жить ему негде, не на чем. Почвы нет. Он явится тогда, когда Ленин и вообще мы расчистим ему место. Да.

Встал и начал шагать по террасе, возбужденно жестикулируя; как у всех физически мощных людей, жесты и движения у него были тяжеловаты, осторожны.

Оказалось, что он весьма склонен философствовать о будущем, и я бы сказал, что у него было развито чувство осязания будущего. Он видел, нащупывал,—хотя как бы сквозь туман, сквозь темноту, — какие-то своеобразные формы общественности, каких-то особенно оригинальных людей. Помню, я не очень понимал его, да, кажется, и не очень внимательно слушал, меня в нем интересовало не это. Но я понимал, что его представления независимы от социалистов-утопистов, и что он видит в будущем человечество сильных, человечество героев, развившееся до степени космической силы. Впоследствии я не один раз наблюдал романтизм революционеров-рабочих, романтизм, который как будто конфузит их, и о котором они разрешают себе говорить лишь в минуты исключительные.

М. ГОРЬКИЙ. 1900 год.

Меня особенно заинтересовали его слова о злости и ненависти, он часто, в разных формах, повторял эти слова, и я чувствовал, что за ними скрыта основная его тема, вокруг которой вьются все мысли этого большого человека, молодого, сильного, но уже осужденного на смерть идиотами и скотами.

Я чувствовал, что Вилонов—как-то своеобразно ненавидящий. Ненависть была как бы его органическим свойством, он насквозь пропитан ею, с нею родился, это чувство дышало в каждом его слове. Совершенно лишенная признаков «словесности», театральности, фанатизма, она была удивительно дальнозоркой, острой и тоже совершенно лишена мотивов личной обиды, личной мести. Меня удивила именно чистота этого чувства, его спокойствие, завершенность, полное отсутствие в нем мотивов личных и посторонних общей идее, вдохновлявшей ненависть. А удивило это меня потому, что после 5—6 годов я увидел очень много революционеров, которые были таковыми Христа ради, из авантюристов, по «увлечению молодости», по мести за карьеру, испорченную случайным арестом революционеров, из романтизма в карьеризма, даже из страха пред революцией и еще по многим мотивам весьма личным, очень далеким от идеи революционного социализма, видел, наконец, и революционеров, бывших таковыми «скуки ради».

Вилонов, человек безукоризненно правдивый в своем отношении к людям, прямодушный до резкости, говорил:

— Вы, может, думаете, что побои имели какое-то значение для меня? Никакого. Здоровья, конечно, жаль. Но не могу же я винить палку за то, что меня ударили ею. Меня били не один раз. И ведь все равно, кто бьет, отец, мать или чужие. Бить человека — это в порядке жизни. Да и что мне побои? Вот я какой!

Забыв о своем туберкулезе, он медленно поднял руку на уровень головы и опустил ее до колена, указывая на свое стройное тело.

— Когда тюремщики топтали меня ногами, я, конечно, чувствовал и боль и обиду, но, право же, гораздо больше—страх: что, если б на моем месте оказался другой товарищ, не такой крепкий, как я?

И, покашливая, задыхаясь, он продолжал потише, нахмурив густые брови:

— Ведь они всякого могут растоптать; попади им в злую минуту Ленин, они и его... Вот где ужас! Главное-то и непростительное преступление классового общества в том, что оно воспитало в людях страсть к мучительству, какое-то бешенство. С наслаждением мучают, сукины дети, — это я очень знаю! Вот наслаждение-то и есть преступность, которую уж никак никто не оправдает. В природе такой гадости нет. Кошка мышью играет, так она кошка—зверь, и никаких подлостей лицемерных, в роде гуманизма, не выдумала.

Он долго говорил на эту тему, рассказывал об истязаниях в Орловском централе, о страшных драмах на Амурской колесной дороге и заставил меня почувствовать, что ему знаком лишь один страх: страх за жизнь товарища.

А к себе он относился так, как будто не понимал, насколько опасно болен, хотя однажды сказал очень спокойно:

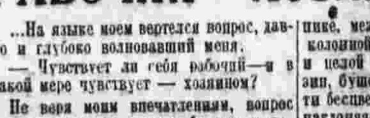
— Ну, меня не надолго хватит.

...Его разногласия с организаторами школы все обострялись, и через несколько дней он и еще, кажется, двое товарищей, из которых один был агент полиции, уехали в Париж к Владимиру Ильичу.

Из этой поездки Вилонов возвратился на Капри уже почти совсем без сил, но еще более твердым ленинцем. Неясно помню, — кажется, его пришлось отправить в Давос, где он скоро и умер.

Долго, как видите, берег я память о нем, все хотелось написать как-то особенно хорошо. Но очень трудно писать о людях такого типа, да и не привыкло перо русского литератора изображать настоящих героев. Вероятно, уже скоро научится.

(*«Михаил Вилонов»*. 1927 г.).

РАБОЧИЙ—ХОЗЯИН СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ.

...На языке моем вертелся вопрос, давно и глубоко волновавший меня.

— Чувствует ли себя рабочий—и в какой мере чувствует — хозяином?

Не веря моим впечатлениям, вопрос этот я ставил и перед рабочими и перед людьми, которые идут во главе рабочей массы, идут в ногу с нею, в хвосте ее. Соответственно физической позиции каждого, ответы получались утвердительные, неопределенные, отрицательные и в каждом из них, разумеется, была своя суб'ективная правда. Но я знаю, что мало среди нас мастеров, которые не верили бы, что они работают хорошо; не очень много людей, которые, делая свое небольшое дело, ясно сознают значение своей работы в общем потоке труда, обновляющего жизнь, и, наконец, не мало людей, утомленных работой, сделанной ими, не мало разочарованных. Последние как будто ожидали, что тотчас вслед за понедельником снова наступит воскресенье, а пять трудовых дней уже навсегда вычеркнуты из жизни. Так что разнообразные ответы на мой вопрос ничего не прибавили к моим личным впечатлениям до Баку и ничего не отняли у них. Естественно, что я хотел поставить этот вопрос т. Баринову, но не успел, не нашел времени сделать это и дождался, что вместо Баринова мне за него ответил случай, ответил, на мой взгляд, очень об'ективно.

Когда мы осматривали новый масляный завод, тяжелый, горячий воздух над ним вдруг негромко, но глубоко вздохнул, в нем как бы лопнуло что-то, и через дорогу от завода, над группой труб, железных колонн, цистерн взлетело курчавое черно-серое облако.

— Эх, бензин!—вскричал кто-то сзади меня.

Через минуту мы, человек пять стояли в двух десятках шагов от картины, которую я никогда не забуду: в тупике, между каменной стеной, железной колонной отбензинивающей трубчатки и целой цистерной, принимающей бензин, бушевал поток странно белого, почти бесцветного огня, а в огонь совались, наклоняясь над ним, накрывая его чем-то, рабочие, человек пятнадцать, тюрки и русские; седобородый тюрк командовал:

— Давай кошма, давай! Скор-ро!

Я никогда не видел, чтоб огонь гасили так яростно, с такой бесстрашной дерзостью, с таким пренебрежением к боли ожогов,—в этой дружной, ловкой работе было что-то непонятное мне. Поток огня стремился к цистерне, а в ней,—как мне потом сказали,—было несколько тысяч пудов бензина. Тов. Баринов, тихонько отталкивая меня плечом, советовал:

— Уходите, уйдите подальше!

Сам он не уходил, но и не командовал борьбою с огнем. Рабочие гасили огонь так, как будто это была хорошо знакомая, привычная работа. Незаметно было испуга на озабоченных лицах, не было и бестолковой суеты, обычной на пожарах. Сивоволосый тюрк смачивал кошмы в рыжей воде канавы, их выхватывали у него ловкие, сильные руки, кошма быстро подвигалась в сторону огня и покрывала его.

— Довольно кошем, хватит,—крикнул кто-то, хотя огонь не иссякал. Тогда тюрк сам подбежал к огню и накрыл его кошмой, точно птицу сетью.

— Знаим, знаим,—покрикивал он, прижимая кошму ногами, а из-под нее его хватали за ноги языки белого пламени. Кто-то из рабочих говорил Баринову:

— Переломилась, упала... перебила отводящую трубку, дала искру...

Ворвался автомобиль, огромная красная бочка, и тотчас из брандсбойта, развернутого с поразительной быстротой, в огонь потекла рыжая пена. Щеголевато одетые, немногословные люди пожарной команды деловито закричали:

— Отходи прочь, не мешай, ребята!

Я наблюдал внимательно. На своем веку много видел я пожаров, и всегда они вызывали бестолковую, бессмысленную суету. Повторяю, что быстрота, с которой рабочие бросились на огонь, ловкость, с которой они тушили его, и то, что они делали это без лишнего шума и крика, не мешая друг другу, с какой-то немецкой выдержкой, — все это было ново для меня и очень удивительно. Огонь тоже был бесшумен, он шипел лишь тогда, когда встречался с рыжей пеной лакричного корня, когда она душила его густотой ее кружева. С огнем покончили в 12 минут. Я спросил Баринова:

— Могло взорвать цистерну?

— Конечно, могло,—ответил он.

— Быстро погасили.

— Привычка. Случай — не из редких.

— А если бы взорвало цистерну?

— Ведь я предлагал вам уйти.

— Да, но сами-то вы не уходили.

Эти слова как будто удивили его.

— Куда же я уйду?

Подумав, он сказал:

— Если бы взорвало, люди сгорели бы. Но у нас, покамест, этих шалостей не было.

Я спросил: думает ли он, что при старых собственниках рабочие так же самоотверженно боролись бы с огнем?

— Не приходило в голову,—сказал он и, осторожно взвешивая слова, прибавил: — В старое время пожары были чаще, убыточней, потому что тогда промысла были оборудованы технически гораздо хуже. Всюду — дерево, нефть, карьеров питала воздух газами. Да, в то время рабочие, пожалуй, не так бы старались, а теперь понимают: свое горит.

(*«По Союзу советов»*, 1929 г.).

Под железной пятой царизма

БЫТ.

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы. В холодном сумраке они шли по немощеной улице к высоким каменным клеткам фабрики. Она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грязную дорогу десятками жирных квадратных глаз. Грязь чмокала под ногами. Раздавались хриплые восклицания сонных голосов, грубая ругань зло рвала воздух, навстречу людям плыли иные звуки—тяжелая возня машин, ворчание пара. Угрюмо и строго маячили высокие черные трубы, поднимаясь над слободкой, как толстые палки.

Вечером, когда садилось солнце и на стеклах домов устало блестели его красные лучи, фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам закопченные, с черными лицами, распространяя в воздухе липкий запах машинного масла, блестя голодными зубами. Теперь в их голосах звучало оживление и даже радость — на сегодня кончилась каторга труда, дома ждал ужин и отдых.

День проглочен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День бесследно вычеркнут из жизни, человек сделал еще шаг к своей могиле, но он видел близко перед собой наслаждение отдыха, радости дымного кабака и был доволен.

По праздникам спали часов до десяти, потом люди солидные и женатые одевались в свое лучшее платье и шли слушать обедню, попутно ругая молодежь за ее равнодушие к церкви.

Из церкви возвращались домой, ели пироги и снова ложились спать до вечера.

Усталость, накопленная годами, лишала людей аппетита, и для того, чтобы есть, много пили, раздражая желудок острыми ожогами водки.

Вечером лениво гуляли по улицам, и тот, кто имел галоши, надевал их, если даже было сухо, а имея дождевой зонтик, носил его с собой, хотя бы светило солнце.

Встречаясь друг с другом, говорили о фабрике, о машинах, ругали мастеров,—говорили и думали только о том, что связано с работой. Одинокие искры неумелой, бессильной мысли едва мерцали в скучном однообразии дней. Возвращаясь домой, ссорились с женами и часто били их, не щадя кулаков. Молодежь сидела в трактирах или устраивала вечеринки друг у друга, играла на гармониках, пела похабные, некрасивые песни, танцовала, сквернословила и пила. Истомленные трудом, люди пьянели быстро, и во всех грудях пробуждалось непонятное, болезненное раздражение. Оно требовало выхода. И цепко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди из-за пустяков бросались друг на друга с озлоблением зверей. Возникали кровавые драки. Порою они кончались тяжкими увечьями, изредка убийством.

1 МАЯ.

...Листки, призывавшие рабочих праздновать Первое мая, почти каждую ночь наклеивали на заборах, они являлись даже на дверях полицейского правления, их каждый день находили на фабрике. По утрам полиция, ругаясь, ходила по слободе, срывая и соскабливая лиловые бумажки с заборов, а в обед они снова летали на улице, подкатываясь под ноги прохожим. Из города прислали сыщиков, они, стоя на углах, щупали глазами рабочих, весело и оживленно проходивших с фабрики на обед и обратно. Всем нравилось видеть бессилие полиции, и даже пожилые рабочие, усмехаясь, говорили друг другу:

— Что делают? А?

Всюду собирались кучки людей, горячо обсуждая волнующий призыв. Жизнь вскипела, она в эту весну для всех была интереснее, всем несла что-то новое: одним — еще причину раздражаться, злобно ругая крамольников, другим — смутную тревогу и надежду, а третьим,—их было меньшинство,—острую радость сознания, что это они являются силой, которая будит всех.

Павел и Андрей почти не спали по ночам, являлись домой уже перед гудком оба усталые, охрипшие, бледные. Мать знала, что они устраивают собрания в лесу, на болоте, ей было известно, что вокруг слободы по ночам рыскают раз'езды конной полиции, ползают сыщики, хватая и обыскивая отдельных рабочих, разгоняя группы и порою арестовывая того или другого. Понимая, что и сына с Андреем могут арестовать каждую ночь, она почти желала этого — это было бы лучше для них, казалось ей.

...Сердце матери забилось слишком сильно, и она начала отставать. Ее быстро оттолкнули в сторону, притиснули к забору, и мимо нее колыхаясь потекла густая волна людей. Их было много, и это радовало ее.

«Вставай, подымайся, рабочий народ!..»

Казалось, в воздухе поет огромная, мощная труба, поет и будит людей, вызывая в одной груди готовность к бою, в другой — неясную радость, предчувствие чего-то нового, жгучее любопытство. Там, — возбуждая смутный трепет надежд, здесь,—открывая выход едкому потоку годами накопленной злобы. Все заглядывали вперед, где качалось и реяло в воздухе красное знамя.

— Пошли! — ревел чей-то восторженный голос. — Славно, ребята!

И, видимо чувствуя что-то большое, чего не мог выразить обычными словами, человек ругался крепкой руганью. Но и злоба, темная, слепая злоба раба, шипела змеей, извиваясь в злых словах, встревоженная светом, упавшим на нее.

— Еретики! — грозя кулаком, кричал из окна надорванный голос.

И назойливо лез в уши матери чей-то сверлящий визг:

— Против государь императора, против его величества — царя? Бунтовать?

Мимо матери мелькали смятенные лица, подпрыгивая, пробегали мужчины, женщины, лился народ темной лавой, влекомой этой песней, которая напором звуков, казалось, опрокидывала перед собой все, расчищая дорогу. Глядя на красное знамя вдали, она — не видя — видела лицо сына, его бронзовый лоб и глаза, горевшие ярким огнем веры.

Но вот она в хвосте толпы, среди людей, которые шли не торопясь, равнодушно заглядывая вперед, с холодным любопытством зрителей, которым заранее известен конец зрелища. Шли и говорили негромко, уверенно.

— Одна рота у школы стоит, а другая у фабрики...

— Губернатор приехал...

— Верно?

— Сам видел,—приехал!

Кто-то радостно выругался и сказал:

— Все-таки бояться стали нашего брата! И войско, и губернатор.

— Родные! — билось в груди матери.

Но слова вокруг нее звучали мертво и холодно. Она ускорила шаг, чтобы уйти от этих людей, и ей легко было обогнать их медленный ленивый ход.

И вдруг голова толпы точно ударилась обо что-то, тело ее, не останавливаясь, покачнулось назад с тревожным тихим гулом. Песня тоже вздрогнула, потом полилась быстрее, громче. И снова густая волна звуков опустилась, поползла назад. Голоса выпадали из хора один за другим, раздавались отдельные возгласы, старавшиеся поднять песню на прежнюю высоту, толкнуть ее вперед:

«Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!..»

Но не было в этом зове общей слитной уверенности, и уже трепетала в нем тревога.

Не видя ничего, не зная что случилось впереди, мать расталкивала толпу, быстро подвигаясь вперед, а навстречу ей пятились люди, одни — наклонив головы и нахмурив брови, другие—конфузливо улыбаясь, третьи — насмешливо свистя. Она тоскливо осматривала их лица, ее глаза молча спрашивали, просили, звали...

— Товарищи!—раздался голос Павла. — Солдаты такие же люди, как мы. Они не будут бить нас. За что бить? За то, что мы несем правду, нужную всем? Ведь эта правда и для них нужна. Пока они не понимают этого, но уже близко время, когда и они встанут рядом с нами, когда они пойдут не под знаменем грабежей и убийств, а под нашим знаменем свободы. И для того, чтобы они поняли нашу правду, мы должны идти вперед. Вперед, товарищи! Всегда вперед!

Голос Павла звучал твердо, слова звенели в воздухе четко и ясно, но толпа разваливалась, люди один за другим отходили вправо и влево к домам, прислонялись к заборам. Теперь толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа. И еще толпа походила на черную птицу,—широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был ее клювом...

(*«Мать»*. 1907 г.).

Кровавое воскресенье.

...Самгин окончательно почувствовал себя участником важнейшего исторического события,—именно участником, а не свидетелем,—после сцены, внезапно разыгравшейся у входа в Дворянскую улицу. Откуда-то сбоку в основную массу толпы влилась небольшая группа, человек сто молодежи, впереди шел остролицый человек со светлой бородкой и скромно одетая женщина, похожая на учительницу; человек с бородкой вдруг как-то непонятно разогнулся, вырос и взмахнул красным флагом на коротенькой палке.

— Ура! — нестройно крикнули несколько голосов, другие тоже недружно закричали.— Да здравствует социал-демократическая партия! Ура-а! Товарищи! Ура!

Толпа замялась, приостановилась, и эти крики тотчас потонули в сотне сердитых возгласов:

— Прочь с флагом!

— Эй, ты, брось!

— Братцы, не допускайте!..

— Сказано было чертям—не сметь!

...Когда вышли на Троицкую площадь, передние ряды, точно ударившись обо что-то, остановились, загудели; люди вокруг Самгина стали подпрыгивать, опираясь о плечи друг друга, заглядывая вперед.

— Стой, братцы!

Многократно и разнотонно, с удивлением, испугом, сердито и насмешливо прозвучало одно и то же слово:

— Не пускают?

Одни рабочие, задерживая шаг, опрокидывались назад, другие стремительно пробивались вперед, покрикивая:

— Чего стоять? Что там? Напи — двигай!

Самгина так затолкали, что он дважды сделал полный круг, а затем очутился впереди, прижатым к забору. В полусотне шагов от себя он видел солдат. Закрывая вход на мост, они стояли стеною, как гранит набережной, головы их, с белыми полосками на лбах, были однообразно стесаны, между головами торчали длинные гвозди штыков. Лицом к солдатам стоял офицер, спина его крест-накрест связана ремнями, размахивая синенькой полоской обнаженной шашки, указывая ею в сторону Зимнего дворца, он, казалось, собирался перепрыгнуть через солдат; другой офицер, чернобородый, в белых перчатках, стоял лицом к Самгину, раскуривая папиросу, вспыхивали спички, освещая его глаза. Самгин видел, что рабочие медленно двигаются на солдат, слышал, как все более возбужденно покрикивают сотни голосов, а над ними тяжелый, трубный голос кочегара:

— Стойте, погодите! Я пойду, об'ясню! Бабы—платок! Белый! Егор Иваныч, идем, ты—старик! Сейчас, братцы, мы об'ясним! Ошибка у них. Платок, платком махай, Егор...

Большое тело кочегара легко повернулось к солдатам, он взмахнул платком и закричал:

— Эй, ваше благородия...

Отпустив его шагов на пять вперед, рабочие, клином, во главе со стариком, тоже двинулись за ним. Кочегар шагал широко, маленький белый платок вырвался из его руки, он выдернул шапку из-за ворота, взмахнул ею, старик шел быстро, но прихрамывал и не мог догнать кочегара; тогда человек десять, обогнав старика, бросились вперед, стена солдат покачнулась, гребенка штыков, сверкнув, исчезла, прозвучал, не очень громко, сухой рваный треск, еще раз и еще. Самгин не почувствовал страха, когда над его головой свистнула пуля, взвыла другая, раскололась доска забора, оторвав щепку, и один из троих, стоявших впереди его, глаза спиной забор, опустился на землю. Страх оглушил Самгина, когда солдаты сбросили ружья к ногам, а рабочие стали подаваться назад, не спеша, приседая, падая, и когда женщина пронзительно взвизгнула:

— Стреляют подлые, ой, глядите-ко!

— Холостыми-и!—ответило несколько голосов из толпы. — Для испуга-а!

Кочегар остановился, но расстояние между ним и рабочими увеличивалось, он стоял в позе кулачного бойца, ожидающего противника, левую руку прижимая ко груди, правую, с шапкой, вытянув вперед. Но рука упала, он покачнулся, шагнул вперед и тоже упал грудью на снег, упал не сгибаясь, как доска, и тут, приподняв голову, ударяя шапкой по снегу, нечеловечески сильно заревел, посунулся вперед, вытянул ноги и зарыл лицо в снег.

...Не торопясь отступала плотная масса рабочих, люди пятились, шли как-то боком, грозили солдатам кулаками, в руках некоторых все еще трепетали белые платки; тело толпы распадалось, отдельные фигуры, отскакивая с боков ее, бежали прочь, падали на землю и корчились, ползли, а многие ложились на снег, в позах безнадежно неподвижных. Так неподвижно лег длинный человек в поддевке, очень похожий на дьякона, лег и откуда-то из-под воротника поддевки обильно полилась кровь, рисуя с бока головы его красное пятно,—Самгин видел прозрачный парок над этим пятном; к забору подползал, волоча ногу, другой человек с зеленым шарфом на шее; маленькая женщина сидела на земле, стаскивая с ноги своей черный ботик и вдруг, точно ее ударили по затылку, ткнулась головой в колени свои, развела руками, свалилась на бок. Туробоев, в расстегнутом пальто, подвел к забору молодого парня с черными усиками, ноги парня заплетались, глаза он крепко закрыл, а зубы оскалил, высоко вздернув верхнюю губу. Воздух густо кипел матерной бранью, вопляли женщины, кто-то командовал:

— К Биржевому мос-ту-у! Наши-и...

— Сволочи! Убийцы!

Самгину показалось, что толпа снова двигается на неподвижную стену солдат и двигается не потому, что подбирает раненых; многие выбегали вперед, ближе к солдатам для того, чтоб обругать их. Женщина в коротенькой шубке, разорванной подмышкой, вздернув подол платья, показывая солдатам красную юбку, кричала каким-то жестяным голосом:

— Стреляйте, ну — стреляйте!

...Самгин встал, тихонько пошел вдоль забора, свернул за угол; на тумбе сидел человек с разбитым лицом, плевал и сморкался красными шлепками.

— Постой,—сказал он, отирая руку о колено.—погоди! Как же это! Должен был трубить горнист. Я сам солдат! Я знаю порядок. Горнист должен был сигнал дать, по закону. Сволочь! — Глухо всхлипнув, он матерно выругался.—Василия Мироныча изрубили. А? Он же ну поднимал, тут его саблей.

...Этой части города он не знал, пошатавшись, снова повернул в какую-то улицу и натолкнулся на группу рабочих; двое были удобно, головами друг к другу, положены к стене, под окна дома; лицо одного покрыто шапкой, другой небритый, желтоусый, застывшими глазами смотрел в сизое небо, оно крошилось снегом; на каменной ступеньке крыльца сидел пожилой человек в серебряных очках, толстая женщина, стоя на коленях, перевязывала ему ногу выше ступни, ступня была в крови, точно в красном носке, человек шевелил пальцами ноги, говоря негромко, неуверенно.

— Может, потому, что тут крепость.

Молодой, худощавый рабочий, в стареньком пальто, подпоясанном ремнем, закричал:

— Крепость? А что она? Ты мне про крепость не говори! Это мы—крепость!

Он ударил себя кулаком в грудь и закашлялся; лицо у него было большое, желто-серое, глаза безумны, и был он как бы пьян от брожения в нем гневной силы; она передалась Климу Самгину.

— Царь и этот поп должны ответить,—заговорил он с отчаянием, готовый зарыдать.—Царь — ничтожество. Он—самоубийца. Убийца и самоубийца. Он убивает Россию, товарищи... Довольно Ходынок! Вы должны...

— Ничего я тебе не должен,—крикнул рабочий, толкнув Самгина в плечо ладонью.—Что ты тут говоришь? Ну? Кто такой? Ну, говори! Что ты скажешь? Эх!..

Он выругался, схватил Клима за плечи и закашлялся, встряхивая его. Раненый, опираясь о плечо женщины, попытался встать, но, крикнув, снова сел.

— Как же я пойду?

— Отпусти человека,—сказал рабочему старик в нагольном полушубке.— Вы, господин, идите, что вам тут? — равнодушно предложил он Самгину, взяв рабочего за руки.— Оставь, Миша,— вишь, испугался человек.

Клим заметил, что все рабочие отступают прочь от него, все хотят, чтоб он ушел. Это несколько охладило, даже как будто обидело его. Ему хотелось сказать еще что-то, но рабочий прокашлялся и закричал:

— Самоубивец твой чай пьет, генералов угощает: спасибо за службу! А ты мне зубы хочешь заговорить...

Махнув рукою, Самгин пошел прочь, тотчас решив, что нужно возвратиться в город. Он видел вполне достаточно для того, чтоб свидетельствовать.

(*«Жизнь Клима Самгина»*).

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ.

Художнику-бойцу.

Все трудящиеся героической Страны советов, строящей социализм, отмечают большой радостный праздник — сорокалетие литературно-художественной деятельности Алексея Максимовича Горького, первого великого пролетарского писателя, крупнейшего организатора пролетарского литературного движения, передового борца за дело рабочего класса.

Сегодня Максима Горького приветствуют миллионы пролетариев всего мира, неустанно ведущих борьбу с капитализмом,—борьбу, в которой мощно и бодро звучат боевые призывы Алексея Максимовича.

Максима Горького приветствуют лучшие представители мировой науки и искусства, вставшие по его зову и примеру на сторону пролетариата, борющегося за свое освобождение, за новую, светлую жизнь, за бесклассовое социалистическое общество.

Максиму Горькому шлют свой восторженный привет молодые рабочие-писатели, рабкоры, военкоры и селькоры, выросшие и растущие с помощью чуткого учителя.

Еще в 1914 году Алексеем Максимовичем при выпуске первого сборника пролетарских писателей были сказаны знаменательные слова:

«Об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы. «Фантазия,—недоверчиво скажут мне. — Такой литературы никогда нигде не было». Многого не было, что есть теперь. Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал с великим трудом и огромными жертвами свою ежедневную прессу».

Сегодня страна социализма, страна огромных достижений и успехов может гордиться и своей художественной литературой, торжествовать свою победу, предсказанную Максимом Горьким.

Своим неослабным вниманием ко всем явлениям литературной жизни, своим руководством и влиянием Алексей Максимович обеспечивает сплочение всех советских писателей вокруг ленинской партии, вокруг задач перестройки художественной литературы.

Своим мужественным словом Алексей Максимович указывает лучшим людям интеллигенции в капиталистических странах выход из капиталистической неправды, прямой путь борьбы с ней в рядах пролетариата.

Именно поэтому вся общественная и художественная деятельность Алексея Максимовича вызывала и вызывает ненависть и злобный вой в стане классовых врагов пролетариата. Но великий художник твердо идет с пролетариатом в лагере революции, заслуженно пользуется уважением и любовью трудящихся масс Советского союза и всего мира.

Вместе со всеми трудящимися оргкомитет Союза советских писателей СССР и РСФСР шлет дорогому Алексею Максимовичу, своему почетному председателю, горячий привет и надеется, что великий пролетарский художник будет еще много лет под знаменем ленинской партии бороться против мещан, филистеров, «механических граждан», против грязного мира угнетения и эксплоатации, за социалистическую культуру, за построение бесклассового социалистического общества.

ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР.

Вл. Ставский.

ЛЮБЛЮ ГОРЬКОГО.

Знаю и люблю Горького со своего раннего детства на рабочей окраине, где его в рабочих семьях знали и любили все. Книга «В людях» произвела неизгладимое впечатление. «Ведь это же и у нас, на нашем порядке есть. Как это он, Горький, знает? Как это он умеет?»

Чтение будило смутное чувство протеста против окружающей действительности полурабочего, полумещанского захолустья. А «Буревестник» и «Песнь о соколе» звали вперед.

Позднее — уже во время литработы, куда я пришел из рабкоров, Горький оказал огромное влияние своими произведениями. Его первые рассказы и очерки: «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Челкаш» и особенно «Рождение человека», и сейчас звучат в сердце волнующей песней. «Вот так бы писать»,—эта мысль и толкала, и звала, и помогла в работе, а «Мои университеты» убеждали и укрепляли в уверенности, что ставить себе задачи участвовать в борьбе художественным словом, следовательно и овладеть мастерством, можно и должно.

Лично Горький неимоверно сильно помог: после его замечаний и указаний «Разбег» я переработал. И книга эта оказалась короче на одну треть и— убежден—лучше, чем была.

Зная, как неутомимо, широкосторонне и ярко работает Алексей Максимович, очень хочу следовать его примеру, примеру для всего литературного молодняка.

Нет надобности говорить о том, с какой жадностью ждешь новых произведений Горького и как хочется, чтобы нашему Горькому, Максиму Горькому, было больше здоровья и силы.

РОМЭН РОЛЛАН.

ВСЕМ СЕРДЦЕМ ПРИСОЕДИНЯЮСЬ К МИЛЛИОНАМ.

Je m'associe de tout cœur aux millions qui acclament en ce jour Maxim Gorki — le vieux goéland, présageur des tempêtes, qui bouleversent et renouvellent l'humanité!
Romain Rolland
20 septembre 1932

Всем сердцем присоединяюсь к миллионам, приветствующим сегодня Максима Горького,—старого буревестника, воспевающего бури, которые потрясают и обновляют человечество.

А. Яковлев.

ОБРАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ.

Городок был совсем маленький, обыватели говорили шепотом и боялись до полусмерти: «как бы чего не вышло». И нам в этом шепоте, юнцам, предстояло свернуться — в обывательском трепете — свернуться и завянуть. Никаких голосов! Разве пьяный пройдет по улице, проорет трубно и дико, и дико же потом завопит его жена: «Батюшки, помогите! Уби-ва-ют!»

И в эту больную тишину, в испуг и зверство, упал голос: «Пусть сильнее грянет буря!» «Безумству храбрых поем мы славу!»

Будто на четвереньках ходили мы и поднялись на ноги. Для меня это совпало с 1905 годом, — прежде прокламаций, партийных программ и нелегальных книжек узнал я революционера в буревестнике и соколе,—именно эти образы увлекли на долгие годы в «бурю», которая грянула в «безумство храбрых».

Когда стал сам писать, стояли перед глазами «Детство», «В людях», «Фома Гордеев»; так же хотелось просто и ясно и вместе сочно и образно дать жизнь, пережитое, силу.

«Советы» Горького молодым писателям я тщательно собирал, проверял на своей работе. И всегда напряженно слушаю все, все, что он говорит, в романе, в статьях.

Петро Панч.

ПРЕКРАСНАЯ ШКОЛА.

— Максим Горький может служить для нас прекрасной школой. Неустанно зовущий, как заводской гудок, к свободному труду, он заслужил всеобщую любовь миллионных масс, строящих первое в мире социалистическое государство.

Горький обладает совершенно исключительным талантом, создав необ'ятное богатство тем. На этих произведениях большой содержательности и художественной красоты надо учиться у великого писателя ясности речи, свежести выражения, живописи слова. Типы, созданные Горьким, неизгладимо вошли в наше сознание. Самый прекрасный из них сам автор, всегда вызывающий у нас восхищение своей методической работой. По его инициативе и при его участии творится история фабрик и заводов, гражданской войны и молодого человека — эти капитальные вложения в наше социалистическое строительство.

Но умея строить социализм, мы должны уметь и защищать его. И в этом лучшим примером может служить т. Горький, наш делегат на всемирный антивоенный конгресс. Горжусь, что живу с ним в одно время.

Харьков.

АНРИ БАРБЮС.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ ЖИВУЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Я СЧИТАЮ ВЕЛИКОЙ ЧЕСТЬЮ ДЛЯ СЕБЯ ВКЛЮЧЕНИЕ МОЕГО ИМЕНИ В ЧИСЛО ЧЕСТВУЮЩИХ ПРЕКРАСНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО, ГЛУБОКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ ЖИЗНИ И СТРАДАНИЙ МАСС, ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ ЖИВУЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ВЫДАЮЩЕГОСЯ БОЙЦА ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ.

Всеволод Вишневский.

СУБ'ЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАНИЯ.

Первое физическое ощущение Юга, его запахов, зноя и торжественной независимости стоящего на берегу человека. Это ощущение осталось навсегда, и я вытаскивал его в окопах в 14—15 гг., как спасительное средство (я надеюсь, что сегодня будут уместны «даже» такие суб'ективные признания).

Я припоминаю беспокойство, которое было у нас—рядовых—перед днями 25 октября 1917 г. и в дни, последовавшие далее: «как Максимыч?» Максимыч был в Питере, и вокруг него был огромный водоворот людей, сделавших много ценного для революции. Во флоте мы получали огромными связками новые книги «под редакцией Горького». Они стояли не меньше, чем боевое снабжение.

Мы спешили по разным концам. В Нижнем, с Раскольниковым строя флотилию, смотрели на Миллионку, давшую «На дне». Горький был везде. На Волге мы видели его среду. Мы забирали у Башкировых, Артамоновых их буксиры и баржи, вытряхивали из артамоновских комодов белье для госпиталей. Ждали под Казанью перед штурмом 10 сентября резервов. Их пример огромный, тяжелый эшелон. Выручка. Мы заулыбались: «Максим Горький».

В конце концов Горький так плотно вошел в ткани страны, что он везде. Мы вышибали какую-то белую рвань из Ялты и береговых селений. Тут был Горький... Тут был он с Чеховым и был с Толстым—нам рассказывал это местный человек с галстучком, и мы простили ему галстучек.

Две войны, две революции — в голове, в пальцах — желание писать. Это приходит необ'яснимо. И ты пишешь во фронтовую газету. Потом десятилетие идут «военные университеты» и откладываются художественные накопления (ты пишешь, и от этого не уйти). Даешь «Первую конную» и... получаешь письмо из Сорренто. Опять первое физическое ощущение Юга... Горький, Максим Горький!..

Тонкий почерк и оценка, и наставление, которое так знакомо десяткам писателей, вливающее гордость и уверенность. «Вам нужно писать»...

Да, да, Алексей Максимович, очень нужно. Нужно записать все с 1910 г., одну войну, другую, все. И это делаю и пишу одну книгу—«Война»—три года. Я часто вытаскиваю все, что я нашел у вас о войне, и продумываю ваши приемы, ища их корней. «Университеты». Тогда складываю понятия и отправляюсь на старые места, на границы, на море... Так вы рекомендуете.

Было очень трудно: когда за непосредственные, горластые матросские драмы-песни взяли за горло и прохрипели угрюмо и угрожающе: «Романтика? С документом РАПП не совпадает?...» Я указывал на Горького, на его поиски новой романтики. Висевшие у горла делали вид, что не слышат. В конце концов мы помогли им услышать. Теперь работаешь.

Однако совсем не для того, чтобы блаженно списывать классика, а для того, чтобы искать свою дорогу.

Будьте спокойны, Алексей Максимович, найдем. Не разлучаясь ни с одним из ваших слов и громко признаюсь свои.

Берт Брехт.

ЕГО УСПЕХ— УСПЕХ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Высочайшее художественное и политическое значение Горького для русской и мировой литературы несомненно и не нуждается ни в каких доказательствах.

Исследовать его влияние на собственное творчество, несомненно, представляет особый интерес. Сам я переработал для сцены его роман «Мать» и являю поэтому пример влияния Горького на писателя.

Мое мнение таково:

Существуют писатели, чья техника рассказа имеет огромное влияние на других писателей совершенно независимо от того, о чем они повествуют. Не знаю, принадлежит ли Горький к этой группе писателей, хотя его простая и естественная манера письма несет в себе элементы, достойные подражания.

Другой вопрос—является ли определенный стиль письма желательным или способным вызвать подражание. Одного желания недостаточно. Горьковская манера письма зависит от таланта и в частности от громадности этого таланта. Но не только талант ее порождает, а и опыт, в частности способы, которыми у Горького накоплялся его жизненный опыт и его богатство.

Именно с этой несравнимой (а потому с трудом перенимаемой) манерой письма Горького, выражающей его исключительную и совершенно оригинальную личность, связано его неизмеримое действие на читателя.

Он даже профессионального писателя превращает в читателя—огромное достижение.

Под этим я подразумеваю следующее. Его рассказы можно слушать, как рассказы старого рабочего, и, выслушав, рассказывать их дальше на тот лад, который в каждом данном случае является желательным. Не нужно беспокоиться: все, что он рассказывает,—правда. Он это видел, и, несомненно, он это видел правильно, а описание его не сфальшивило ни в одном слове.

Также он ничего не говорит о вещах, которые касаются только его лично. И не рассказывает ничего, что не было бы весомо даже за пределами его огромного искусства рассказчика.

Будь даже «Мать» сделана менее выразительно, она не потеряла бы своего колоссального значения и влияния на всех, кому близки проблемы этой повести.

Горький же, естественно, своей передачей достигает того, что эти проблемы становятся близки огромнейшему количеству людей.

Но тем самым пролетарское дело превращается в дело всего человечества. И поскольку он является участником успеха этого великого дела, становится участником и его собственного успеха русский рабочий класс.

Германия.

П. Павленко.

КТО ИЗ НАС НЕ МЕЧТАЛ СТАТЬ ГОРЬКИМ?

Первые мои детские книжки, мои «Бовы-королевичи», были рассказами Горького, и Челкаш вместе с Варенькой Олесовой, Кувалдой, Мальвой, Емельяном Пиляем вступили в мою жизнь как деятельные, хотя и воображаемые, участники первых игр в людей. Я играл в них, как другое поколение ребят играло в индейцев Купера и мореходов Майн-Рида.

Но Горький был не только первым моим писателем по времени, он предстал в свое время и самым живым, самым реальным, легендарным в силу своего правдоподобия, потому что в городе где я вырос, Горький напечатал свой первый рассказ, и живые свидетели его существования запросто рассказывали, где он жил, с кем водился, что и как говорил.

Кто не мечтал в свои десять—двенадцать лет стать Горьким и повторить его блестящий по трудности путь?

И как тут установить масштабы и линии его влияния, когда в свое время казалось, что этот сильный человек только потому так беспечно смел и только потому так запросто живет в мире, что за ним стоим мы, безвестные мальчишки всей страны.

Первое, что я стал сочинять в детстве, были афоризмы. Это было влияние «Буревестника» и «Песни о соколе». Хотелось говорить одними афоризмами,— манера эта казалась простой, возвышенной и очень красноречивой.

Следы ее остались в моих взрослых вещах.

С детства же и по сию пору запоем перечитываю его маленькие рассказы, которых никто, кроме Горького, не писал потом с той же законченностью и простотой.

Его портреты с натуры (Л. Андреева, Саввы Морозова, Короленко, Л. Толстого, Ленина) особенно меня волнуют. Они прямо гравированы по металлу. Я не знаю, кто из писателей прежних поколений умел «резать» так тонко и смело. Фрагментарная, мозаичная манера написания заметок о Льве Толстом всегда у меня перед глазами.

Я привожу здесь отдельные частные влияния этого колоссальнейшего явления в нашей (в моей) культуре, которое зовется Горьким. Ими, этими частностями, наспех вытащенными из ощущений, не исчерпываются ни содержание, ни границы горьковского значения, которое огромно настолько, что мы его как бы не ощущаем. Оно, как воздух, который можно заметить только тогда, когда его нехватает. Но этого ощущения у меня нет.

Наш „литературный университет“.

(Письмо ударников, призванных в литературу).

Не было в истории мировой литературы писателя, который оказал бы такую огромную помощь молодым, начинающим писателям, как Максим Горький.

С появлением в печати его первых рассказов он сразу привлек к себе внимание не только читателей, но и начинающих писателей. Он стал магнитом, к которому начала стягиваться наша пролетарская литература. Писатель, тесно связавший свою работу с пролетариатом, с его авангардом—ленинской партией, Горький с большой любовью и старательностью ищет начинающих рабочих-писателей.

В своей статье «О писателях-самоучках» (1910 г.) он пишет:

«Сейчас народился новый читатель, который хочет не только читать, но и творить, он не хочет уже больше слушать, что говорят другие, хочет слушать свою мысль, свое сердце и исполнять призывы их. Сейчас, мне кажется, надо собирать эти силы, искать их».

Огромная работа проделана Горьким по отысканию этих сил. Трудно найти пролетарского писателя, начавшего свою деятельность до революции, который не был бы так или иначе связан с Горьким, не получал бы от него постоянной поддержки.

Помощь Горького растущим кадрам литературы после революции приняла более широкие размеры. Из среды рабочего класса, с заводов, прямо от станка, из колхозов выдвигаются сотни новых писателей, которым нужна постоянная помощь.

Горький много своих сил отдает на организацию этой помощи. По его инициативе для постоянной помощи начинающим писателям организован журнал «Литературная учеба». Огромная переписка Горького с начинающими писателями, беседы о ремесле писателя, проведенные Алексеем Максимовичем с ударниками, призванными в литературу, в которых он рассказывает о том, как достигается большое мастерство писателя, —все это оказывает неоценимую помощь начинающим писателям. Может быть, никто этой помощи так не чувствует, как мы, рабочие-ударники, призванные с фабрик и заводов в литературу, чтобы написать книги о нашей жизни и борьбе, правильно рассказать о нашей монументальной действительности. Мы пришли с самых боевых участков строительства нового мира. Мы находимся в самом центре нашей замечательной действительности, но у нас еще мало умения, нехватает знаний. Мы пришли с одного производства в другое, более трудное, более сложное, у некоторых из нас существует чувство растерянности. И голос великого Горького, который живет между нами, гудит, как призывной колокол: «Работайте, учитесь!»

Учиться нам нужно многому. Нам нужно учиться мастерству, и этому мы учимся в первую очередь у Горького. Он нам ближе всех классиков.

Огромная культура, большое умение, удивительное богатство языка, изумительные способности Горького, способность большого художника через малое показать большое служат нам, ударникам, образцом. Горький и его сочинения—это наш «литературный университет».

ТАРАСЕВИЧ (з-д им. Сталина).
ЯНШИН («Серп и молот»).
В. СИДОРОВ («Динамо»).
П. ШИШКИН («Серп и молот»).

Мих. Слонимский.

С ПЕРВЫХ ШАГОВ МОИХ В ЛИТЕРАТУРЕ

— Давно, тогда, когда я и не думал еще стать писателем, два рассказа М. Горького особенно поразили меня и заставили читать и перечитывать все произведения Горького. Эти два рассказа— «Двадцать шесть и одна» и «Рождение человека». Удар по иллюзиям («Двадцать шесть и одна») и выход в полнокровный глубокий реализм («Рождение человека»)—вот что в творчестве М. Горького оказало в дальнейшем особенное влияние на то, что я писал и пишу. Этому сопутствовало всегда громадное личное влияние Алексея Максимовича. Алексею Максимовичу я, как и ряд других советских писателей,—с первых шагов моих в литературе до последнего времени—обязан ценнейшими критическими указаниями, помощью и поддержкой.

В. Ильенков.

ЧТО МНЕ ДАЛ ГОРЬКИЙ.

М. Горький принадлежит к числу людей, которые своим приходом знаменуют начало новой эпохи в истории человеческой культуры. Гиганты мысли. Страстные трибуны. Неутомимые борцы.

Человечество! Несчетный раз это слово произносится в мировой литературе, оставаясь словом. Но «человек—это звучит гордо», сказанное М. Горьким в эпоху унижения и порабощения миллионов людей, прозвучало для них, как горькая насмешка, обнажившая «правду жизни», как выстрел, открывающий единственно справедливую войну за освобождение трудящихся, как лозунг новой эры, начатой под большевистским знаменем борьбы за коммунизм. В этом лозунге звучат наши сегодняшние дни великой борьбы за освобождение человеческой личности, порабощенной капитализмом, героическая борьба миллионов, совершающих сегодня «скачок из царства необходимости в царство свободы».

Каждое слово М. Горького пропитано величайшей любовью к угнетенным, к друзьям по классу, и страстной ненавистью к врагу. «Если враг не сдается,— его уничтожают». Вот глубина этой страстности и непримиримости, пронизывающих жизнь и творчество Горького.

И разве не звучит диким обвинение в забвении классовой ненависти к буржуазии, брошенное Горькому. М. Горький, высказавший сомнение в приложимости термина «пролетарский» ко всей трудовой массе Советского союза, должен был выслушать «нравоучение» Л. Авербаха: «В политике термин трудовой вообще нужен лишь тому, кто стремится к замазыванию ведущей и передовой роли пролетариата... Случайно ли то обстоятельство, что Горький, перечисляя... признаки, по которым можно определить революционного писателя, перечислил целый ряд моментов, кроме одного: классовой ненависти к буржуазии? Не увязано ли это и с его неправильным пониманием пролетариата...»

И это сказано о Горьком!

Лично для меня, как писателя, М. Горький является одним из немногих ведущих художников мировой литературы, мастеров слова, так глубоко связавших дело искусства с делом пролетарской революции. Я учусь у него понимать, петь и творить художественную литературу,—разумеется, не в смысле подражания, а в смысле горячего желания приобщиться к идейному и художественному уровню его творчества. М. Горький увлекает меня не только отточенностью и остротой пера, не только богатством красок, не только совершенством художественной формы, но, главное,—богатством идейного содержания, глубиной мысли, философской насыщенностью своих произведений. Как нам этого нехватает! Но мысль Горького не живет изолированно, абстрактно: она включена в конкретную, физически ощутимую оболочку действенной человеческой личности, живой, яркой, незабываемой,— мысль связана с практикой, рождается из нее и, соприкоснувшись с оголенной правдой жизни, поднимает человека на величайшую высоту, с которой мир ему становится ясным, требующим безотлагательного революционного изменения.

В своем творчестве я хочу научиться у Горького этому глубокому пониманию реальных отношений, умению раскрыть побеждающую силу труда, искусству создавать волнующий человеческий образ, проникновению его во внутренний, бесконечно сложный мир трудящегося люда,—хочу постигнуть его творческий метод.

В моей личной писательской судьбе М. Горький сыграл крупную роль. В его статье по поводу дискуссии о моем романе «Ведущая ось» наряду с горькими, но поучительными для меня истинами я нашел для себя источник творческой энергии,—а ведь это главное, о чем всегда забывали вчерашние «вожди» литературы. Критике уничтожения Алексей Максимович противопоставил критику товарищеской помощи. Он писал:

«Полемизируя с Анри Пулайлем, Гехенно заявил: «Если вы не можете писать хорошо—не пишите вовсе». Это, разумеется, слишком строго сказано, и сказано человеком, которому не ясны, а может быть и совершенно чужды революционный смысл и культурная цель пролетарской литературы. Совет, в котором нуждается пролетарский литератор, звучит иначе: «Товарищ, вы обязаны учиться и научиться писать книги прекрасно, это—наш долг перед нашим классом!»

Личная беседа с Алексеем Максимовичем войдет в мою жизнь навсегда, как ступень вверх. Я всегда буду помнить, как суров и ответственен этот под'ем и как он радостен, когда чувствуешь на себе ободряющий взгляд друга советских писателей, прекраснейшего человека и товарища — Максима Горького.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

ЧЕЛОВЕК И СТИЛЬ.

Тусклое солнце слабо греет красный бархат и позолоту старой посольской мебели. За стеклом — тревожный поток Унтер ден Линден. Идет с литаврами и барабанами конный полицейский эскадрон. Медленно поспешают гитлеровские штурмовики в коричневых рубашках, обвязанные накрест ремнями. Горький пристально смотрит в окно. Он щупает глазами каждого прохожего, каждый автомобиль, каждого седока в нем. И слегка сердито об'ясняет:

— Напрасно вам говорили, что палехские артели стали хуже работать! И вовсе это не так. У них был очень интересный художественный перелом, появились новые орнаменты, вызревают очень интересные вещи в новом духе. А братья Корины — мастера огромной силы — ведь они палехские, они сейчас заканчивают большие работы!..

— Беломорский канал — это будет не только громадная победа нашего хозяйства. Ведь это блестящая штука в отношении трудового перевоспитания людей! Понимаете ли, ведь там, черт подери, совершенно по-новому люди себя осознают! Совершенно по-новому приходят к жизни! Вот вы будете в Москве— вам расскажут великолепнейшие вещи!..

На перекрестке перед окнами закупорилось уличное движение. Только-что прошел батальон рейхсвера, но полиция движения хочет создать дистанцию и задерживает вереницу машин. Шофера в знак протеста устраивают гудками оглушительный концерт. Горький внимательно слушает какофонию. И как будто в ответ на нее говорит, без всякого вступления и перехода:

— Очень хорошо, что мы сейчас взялись за сковороды и за ухваты, за всякие ведра и кастрюли для ширпотреба. Но, позволю себе заметить, недостаточное внимание уделяется гвоздям. Совершенно недостаточно! Я уж не говорю о промышленности, о строительстве. Но в простом крестьянском хозяйстве гвоздь бывает важнее всякой сковороды и всякого ухвата!

Правительствующие голландские лавочники, нажившие груды золота на мировой бойне, не хотят пропускать в Амстердам советскую делегацию на антивоенный конгресс. Он составляет телеграммы, ведет переговоры одновременно с Амстердамом и Москвой, принимает и выслушивает людей. Размечает карандашом газеты, дописывает для конгресса свою речь, которую вряд ли еще доведется произнести. И, выкроив два часа, спокойных среди телеграмм и междугородных переговоров, исчезает, чтобы вернуться просветлевшим, отдохнувшим, в приподнятом настроении.

— Мы вас искали, чего же вы с нами не поехали?! Блестящая штука—художественная и притом строго научная реставрация Пергамона. Вавилонский дворец восстановлен — не модели какие-нибудь, не панорамы, а целые куски стен, ворота — в натуральную величину, во всех подлинных красках. Роспись, мозаика — великолепно! Только немцы могли проделать все так добросовестно и последовательно! Надо бы в «Огоньке» воспроизвести фотографии. Умеют, черти, работать.

И поздно вечером, проходя у темного силуэта Бранденбургских ворот, громадный, на фоне стандартной немецкой толпы слегка неправдоподобный своей широкополой шляпой и длинными усами, усталый, в предвидении мучительной бессонной удушливой ночи с кислородными подушками,—он все еще хлопочет незатихающим басом:

— Что бы нам такое сделать с «Литературной учебой»? Совсем глохнет это дело. Редакция почти развалилась, актив слабо работает. Надо бы ее приблизить к оргкомитету, и потом — по издательской линии реорганизовать...

И утром опять, отложив в сторону белогвардейские газеты, говорит спокойно-по-хозяйственно:

— Надо бы писателя Икс привлечь нам к работе в «За рубежом». Он от белых отошел совершенно, но остается пока за границей, может интересно рассказать о французской провинции — живет там в гуще много лет.

В белых газетах сегодня, как и вчера, рассказывают, что Горький продался большевикам за два вагона икры и полтора миллиона долларов, что он вместе с семьей распродает на Сухаревке подаренные ему правительством эрмитажные картины.

...Да, большевики купили Горького. Купили без остатка, на всю жизнь, в вечное пользование.

Купили тем, что в большевистской партии Горький нашел громадное полчище таких же борцов за интересы рабочего класса, против угнетения и издевательства человека над человеком, таких же неустанных воинов за человеческое достоинство, как он сам, на всем протяжении долгой, неугомонной своей жизни.

И таких же работников.

Стиль Горького в работе — большевистский стиль. Его вспыхнувшая в самом раннем детстве, горевшая всю жизнь жарким костром, а теперь, после последних лет тесного соприкосновения с партией, многосторонняя жадность к культуре — это большевистская жадность.

Оттого так полюбился Горький большевикам. И они ему.

Это стиль работника-большевика—не отвлекаться, не растворять себя в окружающей обстановке, а думать, делать, вспоминать то, что кажется важным,— вне зависимости от места, от сегодняшней погоды, от минуты. Горький ездит по городам и странам, видится со многими тысячами людей, получает многие тысячи писем, но в этом водовороте отлично владеет своими намерениями и затеями, не забывает, не отступает от них, а необычайно настойчиво и терпеливо проталкивает вперед.

Ему ничто не мешает в берлинской суматохе защищать репутацию палехских кустарей и агитировать за снабжение крестьянина гвоздями. А в подмосковной глуши, глядя в окно на российские осенне-голые березы, он так же горячо и настойчиво раз'ясняет:

— Что же это вы, в Испании были, а ничего не слышали об Эса де Кэйрош! Он хотя португалец, но отлично известен в Испании. Его «Реликвия»— блестящая штука, антирелигиозный роман. Удивляюсь, как он мог там появиться на свет. Хотя в папский индекс запрещенных книг наверняка включен.

И повергая в смущение невежественных собеседников, толкует с ними о новейших раскопках в Италии, об опытах переливания крови из трупов, о картинах голландских мастеров, об американском способе очистки нефти. Сильная и цепкая память не просто коллекционирует груды фактов, она сопоставляет и сталкивает их—со смелостью и свободой большого художника-диалектика. Горький как-то побывал в Московском мюзик-холле, и потом его руководители передавали, пожимая плечами:

— Он посмотрел наших «герлс», балет наш. И почему-то сказал: «Нечто подобное я видел в Эривани»... Откуда же в Эривани?! Может быть, в Париже он подобное видел. Но в Эривани!!?..

В тоне рассказа и в улыбках был снисходительный оттенок: старик малость спутал... Но старик ничего не спутал. Горький действительно видел в Эривани замечательный балет турецких армян, необычайно ритмичный и по своему построению очень сходный со строевыми шеренговыми номерами мюзик-холльных герлс.

Он никогда не путает, а всегда замечательно соединяет огромное множество фактов, имен и живых людей— связывает в живые творческие узлы, этот изумительный неуемный писатель и человек. У него голова большевика. Он этой большевистской головой думает и творит для большевиков, для рабочих, для тех, кто раньше были «народными низами», для тех, из толщи которых он пробился и вышел наружу.

Сорок лет назад первый рассказ Горького появился на газетной странице. «Ходил он тогда в белой, вышитой у воротника, рубахе, носил длинные волосы, с широким лицом, напоминая хорошего, умного деревенского парня. Вероятно, тогда еще никто не думал, что из него вырастет большой писатель. Но рассказчиком он был чудесным и тогда и своим грубоватым бурсацким басом говорил так ясно, колоритно и образно что слыхавшие помнили его рассказы много лет».

Чистая рубаха с белым воротником была не первым завоеванием молодого парня. Еще почти ничего не было рассказано, ничего не было написано. Но пережито было уже очень многое и важное. Двадцатипятилетний Максимыч с солидным своим басом уже прошел через черное, окровавленное, кулачно-звериное «Детство» в грязных волжских пригородах, среди пьяных драк, первобытной, хамской жестокости, бездонного унижения людей.

Он уже прошел длинные томительные отроческие годы. «В людях», в закопченных обувных лавченках, в иконописных мастерских, поваренком на пароходе, пожил с пьяницами, ворами и разбойниками.

Он уже был крендельщиком и булочником, железнодорожным сторожем, уже исходил, любуясь солнцем и степями, всю Украину и Дон, и Бессарабию и Крым, и Кубань и Черноморье. Уже валялся он на взморье с Челкашем, уже выслеживал по закоулкам Каина и Артема.

Уже тогда, сорок лет назад, на пороге литературной своей работы, знал он тысячи замечательных вещей и характеров, и социальных столкновений, и классовых противоречий.

Знал и понимал. Но впрягся на всю жизнь в безграничную, настойчивую и целеустремленную, кропотливейшую, изо дня в день, революционную творческую работу. Работал, чтобы учить и воспитывать и бороться с людьми. А для этого—всегда воспитывал, учил самого себя, боролся с собой за себя лучшего.

В воспоминаниях о Горьком пишут: «Был здесь человек один, человек простой, уездный и далеко не литературный. В молодости знал он Максимыча, а потом краем уха слыхал, что есть на свете такой писатель—Максим Горький. Но что это одно лицо, не знал. И, помню, прочитал он как-то при мне «Ярмарку в Голтве», посмотрел на меня изумленными глазами, зажмурился и потряс головой:

— Замечательная, брат, штука... В аккурат, как, бывало, Максимыч рассказывал, помнишь Максимыча? Ну, только у того, оно как-то явственней выходило...»

Всю свою жизнь, все сорок лет литературно-революционной работы Максимыч добивался, чтобы у него и учеников его все выходило явственнее. Всегда боролся за революционное, за воинствующее, за материалистическое действие литературы, против реакционного и мистического художественного словоблудия.

И, поднявшись из самых темных и отверженных капиталистическим обществом социальных низов на мировые вершины культуры нашей эпохи, он сохранил при себе как лучшее свое оружие любовь к трудящимся, ненависть к эксплоататорам, проникновенную жадность к живым людям и к живым делам, революционный реализм в творчестве, интернациональный размах в культурной работе и пристальное внимание ко всему конкретному, где бы оно ни находилось, где бы и как ни происходило. Это и есть важнейшие элементы образцового стиля жизни и работы писателя-большевика. Потому—такая громадная школа—работа около Горького. И такое громадное наслаждение.

Максим Горький на заводе АМО (1929 г.).

Федор Гладков.

МОЙ УЧИТЕЛЬ И САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ.

Я начал свою литературную работу под сильнейшим влиянием Максима Горького.

В 1900 году я впервые услышал необычайный голос Горького, услышал и пошел за ним, потрясенный на долгие годы. Этот голос был как раз во-время: никто из художников прошлого и эпохи моей юности не мог найти такого отклика в душе: Пушкин был далек—не сродни, Лермонтов только тревожил, Некрасов пел только скорбные песни, Толстой звал назад в деревню, к помещикам, к покаянию, Чехов печально вздыхал и грустно улыбался. А голос Горького вдруг разразился бурей. Данко с горящим сердцем — вождь обездоленных, Сокол, умирающий в борьбе, Челкаш—храбрый и смелый протестант, Коновалов—искатель буйной правды... И это бичующее отрицание проклятой нашей жизни и мечты о счастье! Борьба за прекрасную долю, за свободу, за новые пути к свету—«вперед и выше»...

С этим бурным волнением и чудесной музыкой горьковских образов я, как одержимый, бросился в литературу. До 1905 года я написал много рассказов, которые печатались в газетах. Это было сплошное подражание Горькому. Несколько рукописей посылал ему, и он отвечал аккуратно. Рукописи читал с изумительной внимательностью и чуткостью. Поля были испещрены заметками, а письма были проникновенно-мудры и сердечны. В течение десяти лет я чувствовал себя неудачником, но это была только тяжелая учеба—путь от малограмотного юноши, поэта в душе, к завоеванию места в литературе. И этот путь я прошел только под непосредственным руководством Горького. «Вы— упрямый человек,—писал он: — работайте же, не щадя своих сил». И я уже знал, что Горький это самое упрямство оценивает как одну из доблестей человека.

В это же время (первая половина девятисотых годов) Горький воспитывал меня и как революционера. Его письма окончательно направили меня на путь революционной борьбы.

И еще одно важное обстоятельство должно быть отмечено о процессе влияния на мое творчество искусства Горького — это способ создания типажа. Портретная живопись Горького изумительна по своей экспрессии. Типы его— незабываемы. Они—бессмертны. Я говорю не только о собирательных типах, но и о портретах действительных людей. Достаточно указать на незабвенного Челкаша, Мальву, Фому Гордеева, Луку, Клима Самгина. Он с гениальной прозорливостью умеет ухватить самое характерное, самое типическое в фигуре: детали внешнего облика, речи, жеста, поступка, привычек, внутреннего мира. И все это не описательно, а в живом действии, в движении, в борьбе, в новых рождениях характера и даже в созерцании. Этот способ живописания являлся для меня чудесной школой изобразительного искусства. Манера же горьковского письма, которая раньше держала и их в плену, теперь осталась для меня прекрасным воспоминанием, но от некоторых ее особенностей я не освободился еще и по сей день. Это—построение диалога, темпераментность в образах и некоторая напряженность письма. «Не надо писать скучно, книга должна волновать», — вспоминаю я слова Алексея Максимовича, и эти слова для меня являются основой моего творчества.

Я считаю, что Максим Горький является для нас исключительным примером писателя, который умеет великолепно переключать себя на газетную и публицистическую работу. Писатель не может не быть политиком, а писатель Советской страны обязан быть образованным марксистом. Без этого не может быть настоящего понимания эпохи. Моя публицистическая работа шла под непосредственным воздействием Горького. Его статьи в газетах дают чудесные образцы художественной публицистики. Они всегда свежи, оригинальны, ударны. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, я думаю: хорошо бы написать ряд статей так же сильно и так же красочно, с таким же гневом и темпераментом, как у него, об уличном движении (у нас ходят некультурно), еще и еще об общественном питании, о бытовом нашем неустройстве, о наших достижениях в дошкольном воспитании, о нашей школе, которая еще болеет от всякого рода неумных и неудачных экспериментов... Мало ли о чем!..

В течение тридцати лет я трудился и как художник, рос и развивался как писатель моего класса с неизменной помощью Алексея Максимовича. Это мой самый лучший учитель и самый близкий и душевный друг.

Сегодня, 25 сентября, в 7 час. вечера, в Большом театре состоится торжественное заседание, посвященное 40-летию литературно-художественной и общественной деятельности МАКСИМА ГОРЬКОГО.
КОМИТЕТ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ЮБИЛЕЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Вашингтон ищет контакта с Парижем.

ПАРИЖ, 24 сентября. (Соб. инф. «Правды»). Несмотря на официальные опровержения и заверения о «незыблемости франко-японской дружбы», в осведомленных кругах продолжают утверждать, что **соглашение между Францией и САСШ наметилось. Внезапный от'езд в Вашингтон** американского посла **Эджа** для доклада вызывает здесь всеобщий **интерес.**

Парижское издание **«Чикаго трибюн»** заявляет, что поездка Эджа связана с франко-американскими переговорами о торговом договоре. В политических кругах однако заявляют, что поездка Эджа связана не столько с вопросом о торговом договоре, сколько с обсуждением возможных **новых политических комбинаций с Францией.** Полагают, что в связи с предстоящим обсуждением в Лиге наций доклада комиссии Литтона государственный департамент САСШ счел необходимым через своего посла в Париже **усилить контакт с французским правительством** не только по вопросам европейской политики, но и **по вопросам, связанным с положением на Дальнем Востоке.**

Как передают, после детального ознакомления с ходом переговоров, которые Эдж перед от'ездом вел с Эррио, государственный департамент даст Эджу ряд новых дополнительных инструкций.

* * *

ЖЕНЕВА, 23 сентября. (Спец. корр. ТАСС). На заседании совета Лиги наций при обсуждении мер в целях улажения конфликта между Боливией и Парагваем Поль Бонкур заявил: «Если вспыхнувший между государствами, **связанными пактом Лиги, конфликт принимает затяжной характер, то в какой бы части мира этот конфликт ни возникал, это является поражением Лиги наций».**

Заявление Поль Бонкура обратило на себя всеобщее внимание. В **американских кругах выступление Поль Бонкура истолковывается как симптом изменения позиции Франции в японо-китайском конфликте.**

ПОЗИЦИИ АНГЛИИ И САСШ ПРОТИВОПОЛОЖНЫ.

НЬЮ-ЙОРК, 15 сентября. (Соб. инф. «Правды»). Американская печать в статьях, посвященных проблемам долгов и вооружений, подчеркивает углубление **англо-американских противоречий.** Так, лондонский корреспондент **«Нью-Йорк таймс»** пишет: «Ни один из английских министров ни в одной из своих речей не солидаризировался с точкой зрения САСШ о том, что между разоружением и военными долгами существует тесная связь».

«По мнению здешних наблюдателей,— пишет далее корреспондент,— **расхождения в англо-американской политике в эти дни так глубоки, что они охватывают почти все жгучие международные проблемы,** стоящие перед обеими странами. Британское правительство пытается, повидимому, в настоящее время как можно дальше оттянуть принятие четкого решения по манчжурскому вопросу и вопросу о разоружении, как и связанному с последним германскому требованию о равенстве вооружений. Когда же придет время принять решение,—а время это должно притти очень скоро,—**Англия, повидимому, в каждом случае будет выступать в направлении, прямо противоположном позиции государственного департамента и общественного мнения САСШ».**

Далее корреспондент пишет, что в манчжурском вопросе Англия с нетерпением ждет отчета комиссии Литтона, опасаясь, что этот отчет вызовет разногласия между Японией и Лигой, и намереваясь **принять сторону Японии и Франции против САСШ.** Указывая, что Англия считает неприемлемой доктрину Стимсона о непризнании Манчжурии, корреспондент заявляет: «В этом отношении позиция Британии прямо противоположна позиции государственного департамента, и, по мнению наблюдателей, если этот факт и огорчает Англию, то вряд ли все-таки он заставит ее изменить свою позицию».

ПОЛЬ БОНКУР УСПОКАИВАЕТ ЯПОНИЮ.

ПАРИЖ, 24 сентября. (ТАСС). По сообщению агентства Гавас из Женевы, японский представитель в совете Лиги наций Нагаока в беседе с Поль Бонкуром изложил соображения, по которым Япония желает, чтобы совет Лиги наций отсрочил обсуждение доклада Литтона.

Поль Бонкур заверил Нагаока, что политика Франции в отношении Японии остается верной традициям дружбы и плодотворного сотрудничества, всегда определявшим отношения между обеими странами.

Агентство отмечает, что, очевидно, Поль Бонкур выразил мнение французского правительства.

«ФРАНС МИЛИТЭР» ОБ ОБОСТРЕНИИ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.

ПАРИЖ, 24 сентября. (Соб. инф. «Правды»). В большой статье, озаглавленной **«Гонка вооружений»,** орган французского генерального штаба **«Франс милитэр»** отмечает **резкое обострение японо-американских отношений** в связи с оккупацией Манчжурии. Констатируя, что «события развиваются с огромной быстротой» и что «Тихий океан совершенно не оправдывает своего названия», газета, обычно целиком поддерживающая Японию, на этот раз старается выдержать тон об'ективного наблюдателя со стороны.

«Соединенные штаты,—пишет газета,—дали понять, что в случае нарушения Японией, которая угрожает независимости Китая, договора 9 держав от 1922 года (имеется в виду вашингтонский договор, гарантирующий территориальную целостность Китая—Ред.) Америка потребует пересмотра вашингтонского морского соглашения, заключенного в том же году. Той же участи подвергнется, повидимому, и лондонское морское соглашение. Затем американское адмиралтейство увеличит тоннаж своих линкоров, крейсеров и подводных лодок и снабдит их более мощными орудиями. Будут также укреплены американские базы на Филиппинах, в Гуаме и Самоа, где за последние 10 лет никаких мероприятий по укреплению не проводилось».

«После маневров, состоявшихся в феврале этого года у северо-американского побережья Тихого океана,—подчеркивает «Франс милитэр»,—весь флот САСШ остался на этом океане. (Обычно американский флот расположен на Тихом и Атлантическом океанах).

Япония встревожена создавшейся обстановкой. Она отказалась признать какую-бы то ни было связь между договором 9 держав о Китае и морскими (вашингтонским и лондонским) соглашениями. Хотя Япония еще не потребовала об'яснений у Вашингтона по поводу затянувшейся концентрации всего американского флота в тихоокеанских водах, она зато продолжает усиливать свою морскую авиацию и подготовляет **превращение Порт-Артура в крупную морскую базу для защиты берегов Манчжурии».**

«По существу,—приходит к выводу газета,—**между САСШ и Японией уже началась борьба за господство в Западной части Тихого океана».**

«Франс милитэр» указывает также, что углубление японо-американских противоречий неизбежно повлечет за собой **ускорение военно-морского строительства Англии и ее доминионов.**

«Англия, — пишет «Франс милитэр»,—будет стремиться сохранить равенство в морских вооружениях с САСШ, опасаясь ослабления своих позиций на Дальнем Востоке. Австралия уже потребовала пересмотра британской системы морской обороны. Возобновлены прерванные в 1930 году работы по созданию базы в Сингапуре. Недавно Англия стала форсировать осуществление морской программы 1931 года, отсроченной на два года: речь идет о новом флоте в 95.000 тонн, включающем 6 легких крейсеров и 39 небольших боевых единиц».

Заявляя, что угроза мировой войны налицо как в Европе, так и на Тихом океане, орган генштаба ставит крест на разоружительных планах и требует дальнейшего усиления французских вооружений.

ЯПОНИЯ УСИЛИВАЕТ ФЛОТ.

ТОКИО, 24 сентября. (ТАСС). Японское морское министерство заканчивает подготовку ко включению в состав действующего флота к 1 декабря 4-х новых крейсеров водоизмещением в 10 тысяч тонн каждый. Эти крейсера следующие: **«Атаго», «Майя», «Хокай», «Хагуро».**

«ПОДКРЕПИТЬ ПРОТЕСТ ПУШКАМИ И ВИНТОВКАМИ».

НЬЮ ЙОРК, 23 сентября. (ТАСС). Командующий военно-воздушными силами генерал-майор Бенджемин Фаулойс в связи с положением на Дальнем Востоке заявил: «Мы знаем, что интересы торговли часто служили причиной многих войн, и в данном случае мы должны или уйти с пути Японии на Дальнем Востоке или протестовать. А для того, чтобы протест имел лучший эффект, **нужно было бы подкрепить его пушками и винтовками».**

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА ЛИТТОНА ОТСРОЧЕНО.

ТОКИО, 24 сентября. (ТАСС). В японском министерстве иностранных дел указывают, что, согласно сообщениям Нагаока (японский представитель в Лиге наций), совет Лиги наций предполагает **опубликовать доклад Литтона 30 сентября, а подвергнуть его обсуждению—только 17 ноября.** Таким образом, **Лига наций отсрочила обсуждение доклада на больший срок, чем это даже просила Япония.**

ТАМОЖЕННАЯ БЛОКАДА МАНЧЖУРИИ.

ШАНХАЙ, 23 сентября. (ТАСС). Исполнительный совет нанкинского правительства принял сегодня решение **осуществить таможенную блокаду Манчжурского государства, начиная с 25 сентября.** Считают, что от этого мероприятия больше всего пострадают японские текстильные фабриканты в Шанхае, так как они вынуждены будут платить экспортные пошлины при вывозе текстильных изделий из Китая и импортные пошлины—при ввозе этих изделий в пределы Манчжурского государства. Следует отметить, что от 30 до 40 проц. хлопчатобумажных тканей, вырабатываемых японскими предприятиями в Шанхае, экспортируется в Манчжурию.

* * *

ШАНХАЙ, 24 сентября. (ТАСС). Министр финансов нанкинского правительства **Сун Цзе-вень** заявил, что нанкинское правительство решило закрыть манчжурские таможни и собирать таможенные доходы, которые должны были взиматься в Манчжурии, в таможнях, расположенных в пределах Китая.

— Нанкинское правительство,—сказал далее Сун Цзе-вень,—проявило большую сдержанность, когда японцы захватили таможни Манчжурии. Ныне Япония оторвала Манчжурию от Китая не только политически, но и экономически. Заявление Оохаши (тов. министра иностранных дел манчжурского пр-ва), что Манчжурское государство не намерено допустить во внутренние районы Манчжурии подданных тех государств, которые не признали бы Манчжурское государство, свидетельствует, по словам Сун Цзе-вена, о том, что **двери Манчжурии закрыты не только для иностранцев, но и для китайцев.** Тем не менее, нанкинское правительство не прибегает к контрмерам, ограничиваясь лишь такими мероприятиями, как сбор таможенных пошлин за пределами Манчжурии.

* * *

ШАНХАЙ, 23 сентября. (ТАСС). Сегодня террористическая организация «Группа крови» послала предупреждение китайским торговцам в Шанхае, продолжающим торговать японскими товарами. В предупреждении указывается, что в дальнейшем не будут посылаться индивидуальные предупреждения, и группа будет предпринимать самые решительные меры в отношении «изменников».

ХАНЬ ФУ-ЦЮЙ ГОТОВИТСЯ ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ ЧЖАН СЮЭ-ЛЯНА.

ШАНХАЙ, 24 сентября. (ТАСС). Достоверных сведений о ходе вооруженной борьбы между **Хань Фу-цюем** (председатель шаньдунского провинциального правительства) и восставшим генералом **Лю Цзин-янем** не имеется вследствие цензуры, установленной с обеих сторон. В **Чифу** (портовый город в северо-восточной части Шаньдуна) **сосредоточено 15 иностранных военных судов.** Сюда же прибыли 3 китайских военных судна, которые договорились с местными властями о высадке десанта для охраны города.

Имеются сведения, что войска **Хань Фу-цюя** достигли Пиньлидяна (пункт между Лайчжоу и Лунаоу). На фронте Лаия (к юго-западу от Чифу)—без изменений, однако в этом районе войска Хань Фу-цюя быстро продвигаются к позициям Лю Цзин-яна. Из **Тяньцзиня** сообщают **о серьезном поражении, понесенном войсками Лю Цзин-яна,** которые якобы оставили Чифу. Общее впечатление таково, что Лю Цзин-ян потерпел серьезное поражение, от которого он не сумеет оправиться. Попытки примирить враждующие стороны не увенчались успехом.

ТОКИО, 24 сентября. (ТАСС). В хорошо осведомленных японских кругах указывают, что столкновение между председателем шаньдунского правительства Хань Фу-цюем и генералом Лю Цзин-янем в Шаньдуне может оказаться **прологом к выступлению Хань Фу-цюя против Чжан Сюэ-ляна.** По японским сведениям, **Ен Си-шань и Фын Юй-сян всемерно добиваются ускорения этого выступления.**

* * *

ШАНХАЙ, 24 сентября. (ТАСС). Согласно сообщению агентства Рейтер, правое крыло войск **Лю Цзин-яна** отступает к **Чифу,** где оно, очевидно, попытается приостановить наступление частей Хань Фу-цюя и не допустить занятия ими Чифу. Войска Хань Фу-цюя занимают позиции к востоку от Пиниду, в двадцати милях к югу от Лайчжоу.

В Чифу высадились 650 моряков с трех находящихся в порту судов Чжан Сюэ-ляна и заняли город, не встретив никакого сопротивления. Считают, что высадка моряков предпринята с тем, чтобы не допустить распространения влияния Хань Фу-цюя на Чифу. Части Лю Цзин-яна ночью эвакуировали Чифу.

Безрезультатная встреча Саймон—Нейрат.

ЖЕНЕВА, 23 сентября. (Спец. корр. ТАСС). **Фон-Нейрат встретился с Саймоном.**

До этой встречи фон-Нейрат принял представителей германской прессы и заявил:

«Позиция Германии в отношении конференции по разоружению неизменна. На письмо Гендерсона германское правительство отвечать не намерено».

БЕРЛИН, 24 сентября. (ТАСС). О содержании беседы Нейрата с Саймоном, которая продолжалась около 2 часов, официальных сообщений не сделано.

Женевский корреспондент близкой к правительству **«Дейче альгемейне цейтунг»** подчеркивает, что беседа началась с вопроса об английском меморандуме относительно германского требования равноправия в вооружениях. Нейрат не скрыл от Саймона, что английский меморандум произвел не только в кругах правительства, но и в широких кругах германской общественности неблагоприятное впечатление. Далее Нейрат подробно изложил еще раз германскую точку зрения в вопросе равноправия в вооружениях. Эта точка зрения, по словам газеты, «безусловно не была поколеблена контраргументами Саймона».

В явно инспирированном сообщении агентства Конти говорится: «За время последних выступлений и заявлений германского правительства в германской позиции в вопросе о равноправии в вооружениях не произошло перемен.

Германский министр иностранных дел не имеет оснований проявлять со своей стороны инициативу. Создавшееся положение дает ему возможность выжидать, пока у противной стороны не возникнет потребность войти в контакт с германскими представителями. Предпосылкой возобновления нашего сотрудничества на конференции по разоружению остается удовлетворение наших требований о равноправии».

ЛОНДОН ЗАЗЫВАЕТ...

ЛОНДОН, 24 сентября. (Соб. инф. «Правды»). Маневр, предпринятый английской дипломатией в отношении германского меморандума о вооружениях, становится с каждым днем все яснее.

«Дейли телеграф» разочарован резким тоном немецкой прессы, которая раскусила роль «благородного арбитра», взятую на себя мининделом Саймоном. Цель маневра: **заволочь во что бы то ни стало Германию в Женеву,** где обмануть ее куда легче и удобнее.

Загадочное молчание вместо откровенной поддержки французской позиции было **первым шагом стратегов из министерства иностранных дел.** Затем последовала нота, оставлявшая определенные лазейки для разрешения вопроса в «дискуссионном порядке». Наряду с актами официальной дипломатии велась определенная обработка германского общественного мнения.

«Не может быть никаких сомнений в отношении позиции Британии, — писал воскресный консервативный орган **«Обсервер».**—Мы должны хранить верность в отношении Германии».

«Британская нация не намерена делать различия в отношении Германии ради Франции, которая хочет поддерживать свою военную гегемонию в Европе,—пишет «Дейли экспресс».—Будущее Эльзас-Лотарингии для нас безразлично».

Стоящий близко к министерству иностранных дел **«Дейли телеграф»** в передовой, комментируя позицию Великобритании в отношении германского меморандума, откровенно пишет, что весь вопрос может решаться **только В РАМКАХ ЛИГИ НАЦИЙ** и конференции по разоружению и что «необходимо вернуть во что бы то ни стало Германию в Женеву».

В настоящее время английский мининдел **Саймон** ведет закулисные переговоры с прибывшим в Женеву германским мининделом **фон-Нейратом,** которые «Дейли телеграф» усиленно рекламирует.

«От бесед сэра Джона Саймона с фон-Нейратом зависит будущее...», — пишет дипломатический корреспондент газеты.

Чем же заплатят германской буржуазии за ее дальнейшее участие в женевской игре?

Об этом вскользь и между прочим пишет все тот же «Дейли телеграф», говоря, что речь может итти, конечно, не о вооружении Германии, а о... «равноправии Германии в предстоящей конвенции по разоружению», если таковая вообще будет заключена.

Иначе говоря, английская дипломатия, требуя от Германии ограничения ее вооружений, кормит ее посулами о том, что и державы-победительницы в будущем разоружатся.

АНКЕТА ОБ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.

(От нашего лондонского корреспондента).

ЛОНДОН, 24 сентября. Редакция **«Бритиш Рошен Газет»** предприняла анкету среди английских общественных деятелей различных направлений по вопросу англо-советских отношений; ряд видных деятелей: **Лэнсбери, лорд Марлей,** и др., высказался на страницах журнала за укрепление этих отношений.

В сегодняшнем номере помещен ответ на анкету **генерала Нокса.** Нокс (участник интервенции в Сибири) требует от правительства СССР ликвидации Коминтерна и ВКП(б), а также «полной перемены советской иностранной политики».

Редакция «Бритиш Рошен Газет» помещает одновременно ответ на анкету видного промышленника **Лориса Матера,** отражающий стремление широких деловых кругов к укреплению англо-советских коммерческих отношений.

Изимен.

Общество друзей Советского союза в Японии.

ТОКИО, 24 сентября. (ТАСС). Вчера состоялась организационная конференция Общества друзей СССР при участии представителей профсоюзов, крестьянских союзов, союза рабочих потребительских обществ и организаций пролетарской культуры. Конференция поручила президиуму общества составить делегацию для участия в праздновании годовщины Октябрьской революции в Москве из рабочих — делегатов заводов Токио, Осака, Кобе, Нагойя, Киото и крестьянских делегатов, избранных в селах префектур Аомори, Ниигата, Хиого и острова Кюсю.

Общество решило уведомить ВЦСПС, что оно предполагает послать 15 делегатов вместо приглашенных 10. Конференция приняла решение немедленно приступить к подготовке празднования 15-летия Октябрьской революции, в частности к кампании по ознакомлению рабочих и крестьян Японии с итогами социалистического строительства СССР за 15 лет.

На конференции присутствовало 55 делегатов, представляющих около 200 тысяч членов: федераций транспортников, металлистов, коммунальников, крестьянских союзов, кооперативов и пролеткультов. Лидеры реформистских профсоюзов, руководимых с.-д. партией сякай-тайсюто, отказались участвовать в организации общества.

ГОРЬКИЙ—ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ.

ПАРИЖ, 23 сентября. (ТАСС). **«Юманите»** помещает интересные сведения, показывающие **популярность Максима Горького среди французских рабочих и трудовой интеллигенции.** Обследование, проведенное во многих библиотеках в рабочих районах Парижа, показало, что произведения Максима Горького пользуются большим спросом. В особенности популярны произведения, рисующие борьбу революционного пролетариата против царизма: **«Мать», «Песнь о буревестнике», «Письма о революции»** и др.

Об интересе широких кругов трудящихся к творчеству Горького свидетельствует также такой факт, что книгоиздательство Ридера начало сейчас издавать на французском языке **«Жизнь Клима Самгина».**

Радикальный журнал «Эроп» поместил специальную статью о творчестве Горького.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

С.-Д. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ШВЕЦИИ.

СТОКГОЛЬМ, 24 сентября. (ТАСС). По сообщению шведского агентства, сформировано новое шведское правительство, состоящее из социал-демократов.

В состав правительства входят **Ганссон**—премьер, **Сандлер—министр** иностранных дел, **Вигфорс** — министр финансов, **Веннерстром** — министр национальной обороны, **Притьоф-Экман** — министр торговли и др.

ОТ'ЕЗД ЛАТВИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В МОСКВУ.

РИГА, 24 сентября. (ТАСС). Сегодня выехала в Москву латвийская делегация для ведения переговоров СССР о заключении нового торгового договора. На вокзал делегацию провожали: полпред СССР тов. Свидерский и сотрудники латвийского министерства иностранных дел.

ОСНОВНУЮ МАССУ ТРАКТОРОВ И КОНЕЙ—НА СЕВ И ЗЯБЬ.

СТАЛИНГРАД, 24 сентября. (Наш корр.). Сроки окончания сева, установленные краевыми органами, прошли, а к 20 сентября Нижняя Волга засеяла только 46,4 проц. озимого клина. Правда, с 15 по 20 сентября в крае засеяно 370.639 га. Такой площади не засевалось в прошлом году ни в одну пятидневку. Но эта победа—результат работы не всего края в целом, а только отдельных районов и МТС, которые переключили на сев значительное количество тягловой силы. Среди этих районов—**Новоанненский и Среднеахтубинский,** которые закончили сев, и 11 МТС, список которых сегодня напечатан на красной доске.

Отдельные районы, благодаря тому, что переключили на сев большинство тягловой силы, провели в бригадах массовую работу, за последнюю пятидневку посеяли больше, чем за все предыдущее время. Так, Балашовский район за четвертую пятидневку сентября выполнил план на 20,9 проц., а за все время—на 39,4 проц. В Лопатинском районе с 15 по 20 сентября план выполнен на 36,4 проц., а всего—на 63,1. В Аткарском—за последнюю пятидневку—72,1, а всего—98,9 проц. Такие же примерно показатели имеют и другие районы. Здесь не ждали дождя, как это делают Кальнинский, Гуровский, Екатериновский, Самойловский, Еланский и ряд других районов края, которые за последнюю пятидневку посеяли даже меньше, чем за предыдущие.

Задача заключается сейчас в том, чтобы в отстающих районах также переключить на сев до 70 проц. тягла, мобилизовать массы на выполнение плана сева.

Попрежнему плохо идет сев озимой пшеницы. План по этой культуре выполнен только на 25 проц. Северные районы, в частности **Сердобский и Малышкинский,** озимую пшеницу сеять еще не начинали.

КРАСНАЯ ДОСКА.

Закончили сев:

ЗАП. СИБИРЬ.

МТС Западной Сибири к 20 сентября выполнили план сева на 111 проц. Засеяно 93 тыс. гектаров. Сев продолжается.

ТАТАРИЯ.

Агрызский, Аксубаевский, Апастовский, Алькеевский, Бавлинский, Балтасинский, Бугульминский, Дрожжановский, Дубьязский, Кайбуцкий, Кукморский, Мамадышский, Мензелинский, Октябрьский, Первомайский, Пестречинский, Рыбнослободский, Сабинский, Сарманский, Тетюшский, Чистопольский, Шугуровский районы.

НИЖНЯЯ ВОЛГА.

Средне-Ахтубинский район.

Машинно-тракторные станции: Большелычагская выполнила план сева на 138 проц., Демьянобедновская—на 158 проц., Буковская—на 116,9 проц., Ивантеевская—на 152 проц., Репинская—на 150 проц., Чардымская—на 135,8 проц., Широкобуярская—на 112 проц., Вихлевская—на 111 проц., Самодуровская—на 102 проц. и Галушкинская—на 102 проц.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ С ФРОНТА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.

ГОТОВИТСЯ К ПУСКУ ВТОРОЙ СТАЛИНСКИЙ МАРТЕН.

СТАЛИНСК, 24 сентября. (Наш корр.). В мартеновском цехе металлургического завода имени Сталина готовится к пуску вторая мартеновская печь. Сегодня эксплоатационники уже принимают второй мартен от строителей. 26 сентября печь будет поставлена на сушку.

Вчера 1-я мартеновская печь, после суточной остановки на ремонт пода, вновь приняла шихту для третьей плавки стали.

НА КРИВОРОЖСТРОЕ ОБ'ЯВЛЕН МЕСЯЧНИК ЗАВЕРШЕНИЯ РЕШАЮЩИХ РАБОТ.

КРИВОЙ РОГ, 24 сентября. (Наш корр.). На стройке Криворожского металлургического завода об'явлен месячник завершения решающих работ на силовом туннеле. В штурм включается вся общественность бассейна.

Сегодня на субботник выходит **тысяча** человек рабочих и служащих Кривого Рога.

Амвросиевский завод выслал специальный маршрут цемента в составе 30 вагонов.

ПУЩЕНЫ ГАЗОГЕНЕРАТОР И 32-КАМЕРНАЯ ПЕЧЬ УРАЛЬСКОГО ДИНАСОВОГО ЗАВОДА.

СВЕРДЛОВСК, 24 сентября. (Наш корр.). На первом Уральском динасовом заводе пущен газогенератор мощностью в 85 тыс. куб. м. в сутки. Вслед за этим пущена 32-камерная печь по обжигу динасового кирпича. Печь работает вполне удовлетворительно.

ШЕСТАЯ ДОМНА ПЕРЕВЫПОЛНЯЕТ ПЛАН.

СТАЛИНО, 24 сентября. (Наш корр.). **Шестая домна Сталинского металлургического завода (Донбасс) за 20 дней сентября выполнила план на 107 проц. В отдельные дни печь дает рекордную выплавку. Так, 18 сентября домна дала 600 тонн — 122 проц.; 21-го — 112 проц. Передовая бригада этой печи — ТАЛДЫКИНА — двухдекадное задание перевыполнила на 23 проц.**

В сентябре печь дала исключительно хороший чугун — НЕ БЫЛО НИ ОДНОЙ ТОННЫ БРАКА.

ДОМНЫ «ДНЕПРОСТАЛИ» УЛУЧШИЛИ РАБОТУ.

ДНЕПРОПЕТРОВСК, 24 сентября. (Наш корр.). Работа домен «Днепростали» за 20 дней сентября несколько улучшилась. План всеми домнами выполнен на 92 проц.

Завод им. Дзержинского выдал 39.230 тонн—89 проц. **Домна № 7 этого завода—передовик всесоюзного конкурса—дала за 20 дней 13.283 тонны чугуна, выполнив встречный план на 108 проц.** Впереди идет бригада мастера **Ревенского (118 проц. плана),** затем бригада **Мазура (114,9 проц.)**

Стародоменный цех завода им. Дзержинского все еще недопустимо отстает. Ни одна из пяти домен не выполнила плана.

Завод им. Петровского за 20 дней сентября дал **26.086** тонн чугуна — 96 проц. плана. Домна № 2 выполнила план на 103,4 проц. На этой печи лучше всех работала бригада мастера **Ковальчука.**

Восьмой день работает вышедшая из капитального ремонта мощная доменная печь № 6 завода им. Петровского. Энергичная работа ударных бригад мастеров **Ягупова и Цимбалова** обеспечила значительное перевыполнение этой домной суточного плана.

Уголь.

ДОБЫЧА ПО СССР ЗА 21 СЕНТЯБРЯ.

Все угольные бассейны Союза 21 сентября дали 156.392 тонны угля. По сравнению с предыдущим днем добыча угля снизилась на 1.258 тонн. Отдельные бассейны за этот день дали (в тоннах; в скобках указано сравнение с предыдущим днем):

Донбасс	109.780	(—1.713).
«Кузбассуголь»	20.030	(+ 952).
«Уралуголь»	7.218	(— 283).
«Мосуголь»	6.325	(— 201).
«Востсибуголь»	5.856	(+ 67).
«Дальуголь»	3.890	(— 84).
«Средазуголь»	1.828	(+ 115).
Караганда	1.460	(— 131).

НА КРАММАШСТРОЕ РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ МОНТАЖ.

КРАМАТОРСКОЕ, 24 сентября. (ТАСС). На основных об'ектах Краммашстроя развертывается монтаж.

Смонтирована и **поставлена на сушку вагранка** чугунолитейной печи № 2. Монтаж мартеновской печи № 3 выполнен на 85 проц. В ремонтном механическом цехе сданы в эксплоатацию и **уже работают 50 станков.** Форсируется строительство механического цеха. В модельном цехе заканчивают модель для турбины мощностью в 50.000 квт. **В конце сентября будет пущена вагранка чугунолитейного цеха № 2.**

Ударник домны № 7 завода им. Дзержинского тов. ШИРОГОВСКИЙ.

ВЫПЛАВКА

(в тыс. тонн)

	ЧУГУН.	СТАЛЬ.
17 СЕНТ.	17,0	15,7
18 СЕНТ.	8,2	16,4
19 СЕНТ.	18,7	16,4
20 СЕНТ.	18,8	16,1
21 СЕНТ.	19,0	16,9

Выпуск качественного проката (в тоннах).

	Задание	Выпущено 21 сент.	Выпущено 22 сент.	Выпущено 23 сент.
Завод „Красный Октябрь“.	600	714	*)	697

*) Директор «Кр. Октября» не прислал сведений.

Выпуск тракторов.

	19 сент.	20 сент.	21 сент.	22 сент.	23 сент.
Харьковский з-д им. Орджоникидзе.	70	167[1]	144[2]	142[3]	123
Сталинградский з-д им. Дзержинского.	[5])	100	100	103[4]	[6])

[1]) В том числе 97 тракторов, доукомплектованных радиаторами.
[2]) В том числе 74 трактора, доукомплектованных радиаторами.
[3]) В том числе 72 трактора, доукомплектованных радиаторами.
[4]) В том числе 53 трактора, доукомплектованных радиаторами.
[5]) Выпуска не было.
[6]) Сведений нет.

Выпуск автомобилей.

	19 сент.	20 сент.	21 сент.	22 сент.	23 сент.
Московский автозавод им. Сталина.	60	60	62	62	62
Нижегородск. автозавод им. Молотова.	46	47	48	49	50

Подписание договора на поставку советского бензина в Японию.

В результате длившихся в течение двух недель переговоров между правлением Союзнефтеэкспорта и прибывшим в Москву видным японским коммерсантом г. Коджиро Матсуката 24 сентября состоялось подписание заключенного между Союзнефтеэкспортом и г. Коджиро Матсуката договора на поставку в Японию советского бензина.

По договору Союзнефтеэкспорт должен в пятилетний срок поставить в Японию значительное количество бензина.

Договор был подписан со стороны Союзнефтеэкспорта председателем правления т. К. С. Рябоволом и зам. председателя тов. Я. М. Шинделем и с японской стороны—г. Коджиро Матсуката. При подписании договора присутствовали коммерческий директор Союзнефтеэкспорта т. Цукерман, ответственные работники Союзнефтеэкспорта, а также сопровождавший г. Матсуката в его поездке в СССР г. Мори, бывший секретарь покойного президента советско-японского общества сближения—виконта Гото.

Подписанный договор является первой крупной сделкой по запродаже советского бензина на японский рынок. По этому поводу председатель правления Союзнефтеэкспорта т. Рябовол в беседе с сотрудником ТАСС заявил следующее:

— До сих пор мы поставляли на японский рынок только сырую сахалинскую нефть. Между тем потребности японского народного хозяйства в нефтепродуктах определяются количеством свыше 3 млн. тонн, в том числе 550 тыс. тонн бензина. Япония ежегодно импортирует около 300 тыс. тонн бензина.

Главными экспортерами нефти на японский рынок были «Стандарт ойль» и «Шелл». Теперь по договору с 1933 г. начнется поставка советского бензина в Японию.

Проникновению советского бензина на японский рынок мы придаем большое значение, так как считаем, что оно будет способствовать расширению закупок и других советских нефтепродуктов. Договор, несомненно, отразится и на развитии экономических отношений между СССР и Японией.

Подписавший договор японский промышленник г. Коджиро Матсуката заявил сотруднику ТАСС:

— Значение этого договора для обеих стран чрезвычайно велико. Он является важным этапом на пути развития советско-японских торговых отношений.

Договор принесет выгоды обеим сторонам. Еще в 1925 году мною был подписан первый договор с Уссурийской железной дорогой, и я должен засвидетельствовать, что этот договор выполняется советской стороной великолепно. Японские деловые круги, — прибавил г. Матсуката,—считают, что экономические отношения между СССР и Японией должны и будут развиваться благоприятно во взаимных интересах.

ПРИЕМ Г-НА КОДЖИРО МАТСУКАТА У ТТ. РОЗЕНГОЛЬЦА И КАРАХАНА.

Находившийся в Москве в течение 15 дней г. Коджиро Матсуката был принят наркомвнешторгом т. А. П. Розенгольцем, зам. наркоминдела т. Л. М. Караханом и заместителями наркомвнешторга тт. Ш. З. Элиавой и М. И. Фрумкиным.

ОТ'ЕЗД Г-НА КОДЖИРО МАТСУКАТА В ТОКИО.

24 сентября г. Коджиро Матсуката вместе с г. Мори выехал обратно в Токио. На вокзале их провожали члены правления Союзнефтеэкспорта во главе с председателем правления т. Рябоволом, японский посол г. Хирота, ответственные работники Союзнефтеэкспорта и чины японского посольства. (ТАСС).

ХРОНИКА.

✦ **Самолет «АНТ-14»** отправляется из Харькова в обратный рейс в Москву 26 сентября в 7 часов утра.

✦ В Публичной библиотеке (Ленинград) закончены работы по созданию первой **картотеки всех колхозных газет,** выходящих в СССР.

✦ К XV годовщине Октября **при заводе № 3 им. Калинина (Москва) организуется заводская столовая.** Столовая будет располагать в качестве базы существующим свинарником в 200 гол., а также крольчатником и молочной фермой, находящимися на территории подшефного совхоза «Ройашкин».

✦ Гипрогором разработан проект постройки **дома культуры на стадионе им. Томского по Ленинградскому шоссе, в Москве.** При этом доме будут театр со зрительным залом на 1.000 человек, зал для докладов и лекций на 300 чел., 3 аудитории, спортивный зал с местами для зрителей, библиотека-читальня, радиостудия, несколько лабораторий.

✦ В этом году в Казани открывается рыбный техникум для подготовки **специалистов рыбного хозяйства из нацменов** Татарии, Башкирии, Ср. Волги, Нижкрая и Казакстана. В техникум будет принято 100 человек.

✦ Мосгоржилсоюз должен построить в 1932 г. 46 домов, в том числе 9 надстроек. Выстроенные дома и надстроенные **этажи дадут 142.000 кв. метров новой жилой площади.**

Значительная часть новых домов и надстроенных этажей будет сдана в эксплоатацию к XV годовщине Октября.

✦ Техниками банно-прачечного хозяйства г. Калинина тт. **Овчинниковым и Денисним** предложен способ **использования тепла отработанных банных вод** для подогревания свежей воды. Опытная установка использования отработанных банных вод устраивается в гор. Калинине.

✦ В здании Энергетического института в Ленинграде организуется обширная выставка **«15 лет советской науки».** В устройстве выставки участвуют несколько десятков институтов и лабораторий Академии наук.

✦ Английский летчик Джон Грирсон, совершающий перелет Англия—Москва — Самарканд, **23 сентября прилетел в Кзыл-Орду.** 24 сентября он вылетел в Самарканд. (ТАСС)

✦ Могиз организует три всех приемных пунктах и вокзалах специальные киоски с литературой. Там же организуются книжные выставки.

Будут пущены в продажу новые книги: Уральцев—«Красная армия сегодня», в издании Партиздата, и Бэтел—«Готовься к призыву» в издании «Молодой гвардии».

ИЗВЕЩЕНИЯ.

26 сентября, в 5 час. 30 мин. вечера, в райсовете состоится торжественное заседание краснопресненских районных организаций, совместно с ударниками, посвященное юбилею М. ГОРЬКОГО.

Краснопресненск. РК и РКК ВКП(б), райсовет, райком комсомола и райпрофсовет.

26 сентября, в 7 час. веч., состоится в Мраморном зале О-ва старых большевиков пленарное заседание литературно-издательского сектора ВОСБ.

Порядок дня: 1) П. Г. Дауге—«Итоги и перспективы работы Литиздата». 2) П. Н. Лепешинский—«О периодическом сборнике «Старый большевик».

Донецкий областной комитет КП(б)У с прискорбием извещает о безвременной трагической смерти старого большевика, кандидата в члены ЦК ВКП(б), члена ЦК КП(б)У, члена бюро донецкого обкома партии, члена ЦИК СССР, коллегии Наркомтяжпрома, активного участника гражданской войны и хозяйственного строительства Советского союза, директора треста «Артемуголь»

тов. РУМЯНЦЕВА Константина Андреевича.

СОТРУДНИКИ МОСКОВСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ТРЕСТА «АРТЕМУГОЛЬ» с глубоким прискорбием извещают о преждевременной смерти управляющего трестом «Артемуголь»

КОНСТАНТИНА АНДРЕЕВИЧА РУМЯНЦЕВА

последовавшей в ночь на 23 сентября. Похороны состоятся в г. Артемовске. 25 сентября.